

МА

КОСТЁР

9-10

Ж У Р Н А Л Ц Н В Л К С М 1 9 4 4

Год
1944

ЛЕГЕНДАРНЫЙ НАЧДИВ

Кто в нашей стране не знает имени Василия Ивановича Чапаева? Это имя чтут бойцы Красной Армии. Чапаеву подражают дети в своих играх. „Чапай“ — любимый народный герой суровых боевых лет гражданской войны.

О Чапаеве, еще при его жизни, рассказывали легенды. Многие люди — свидетели побед не знавшей поражений чапаевской дивизии — успехи и славу Чапаева объясняли его отвагой и удачью. Рассказывали, будто сам Чапай носится по фронту, самолично сокрушая саблех врагов. Будто кидается в самую гущу кипучей схватки.

Чапаев был действительно храбр, отважен, дерзок, быстр. Но слава его не только в этом. Заслуга его большая: он умел подбирать людей, сплачивать их вокруг себя, учил их пренебрегать опасностью и верить в свои силы. Все мысли, всю волю бойца он подчинял одной цели — победе.

„Не отступать!“ Это был первый закон, „священный закон“ чапаевской дивизии. Бойцы выдерживали тягчайшие лишения, принимали труднейшие, а иногда невозможные, бои, но назад не шли. Отступить — значит опозорить себя, свой полк, свою дивизию.

Все чапаевцы почитали за счастье, за честь воевать под началом Чапаева, называться его соратниками. В одном из чапаевских полков сражались два героя — бойца. После тяжелых ранений, оба они лишились ног. Но ни один из них не пожелал покинуть свой славный полк. Бойцы-инвалиды стали пулеметчиками. И какие это были искусные мастера огня!

Сын плотника, Василий Чапаев в 1914 году попал на фронт. Всю первую мировую войну рядовой Чапаев провел на передовой. Здесь научился он грамоте, здесь проявил себя смелым, дерзким разведчиком и за

свои боевые заслуги был награжден георгиевскими крестами и медалями.

Но вот началась гражданская война. Чапаев как коммунист снова на фронте. Теперь он дерется с белыми — врагами Родины.

Он подавляет кулацкие восстания, он борется против полков белых. Со своим отрядом Чапаев не выходит из боев. Растет отряд Чапаева. Обогащается опыт самого военачальника. Крепнет слава начдива.

Чапаев умеет стремительно совершить переход в десятки километров и неожиданно нагрянуть на врага. Умеет взять неприятеля в клещи, окружить его и затем разбить на голову. У Чапаева для каждого боя готов свой план, — новый, неожиданный для врага, приуроченный к условиям местности.

Когда Саратову и Царицыну стали угрожать враги, на их пути появились чапаевцы. Чапаев поступил так: один свой полк послал в тыл врагам;

другой — бросил на неприятеля с фронта, у переправы. Противник не разгадал маневра Чапаева, и принял полк, встретившийся у переправы, за главные силы. Тут разгорелся жаркий бой. Тем временем другой полк достиг вражеского тыла и там ударил по белым. Враги оказались в клещах — выхода из них не было...

Мастерской маневр Чапаева завершился блистательной победой. Враг был разгромлен.

Так искусно воевал Чапаев. Так умело, дерзко одерживал он свои блестящие победы, за которые страна наградила его орденом Красного Знамени.

Двадцать пять лет тому назад, 5-го сентября 1919 года оборвалась замечательная боевая жизнь Чапаева. Но образ „легендарного начдива“ всегда будет помнить наш народ, всегда будет учиться у него храбрости, стойкости, мужеству.

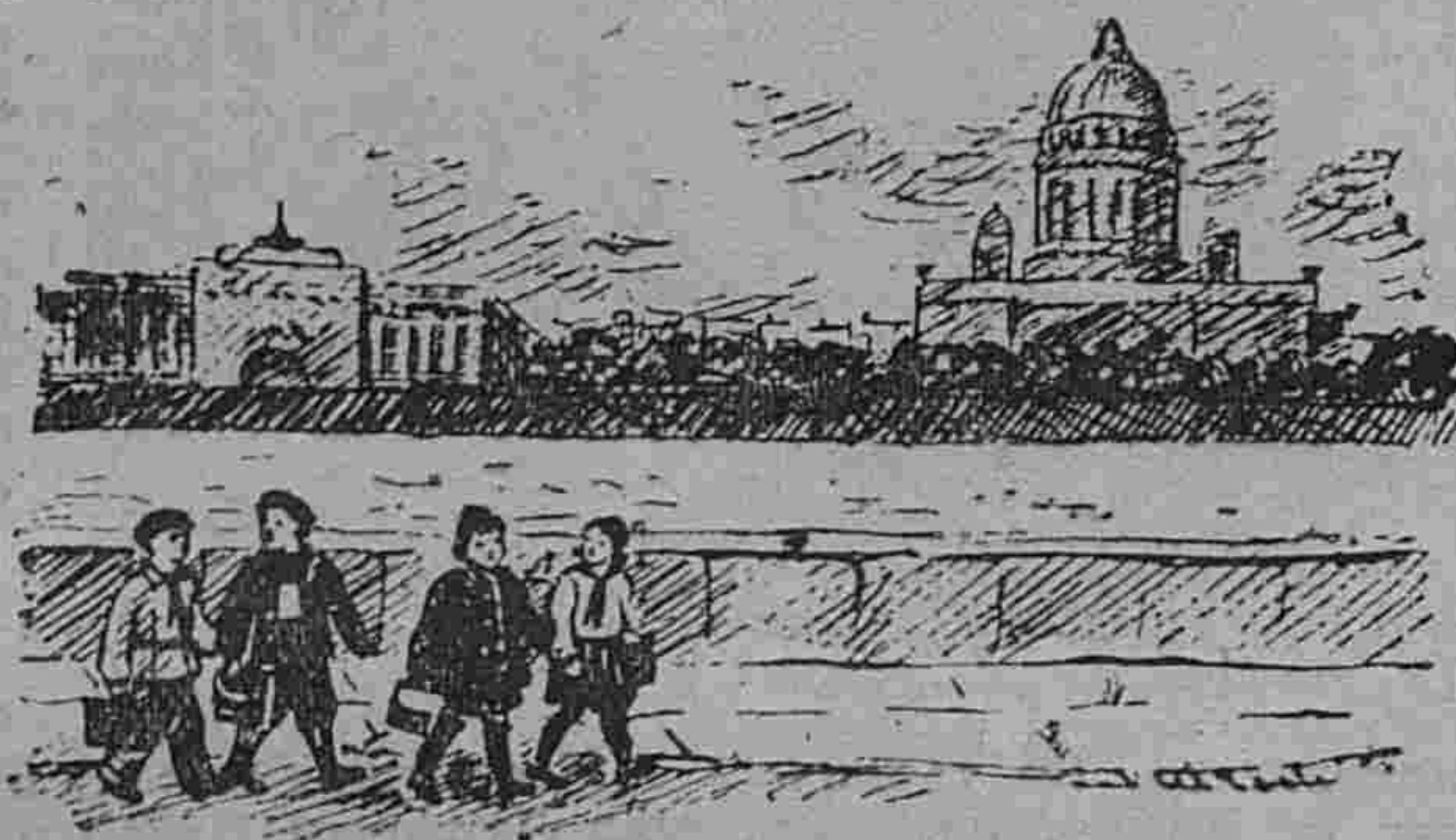
КОСТЁР

9—10

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

ЛЕНИЗДАТ * ЦЕ ВЛКСМ * 1944 * ГОД ИЗДАНИЯ ДЕВЯТЫЙ

Новый школьный год

С. Маршак

Тебя, свободная Нева,
Сковать никто не в силах,
Увянет осенью трава
На вражеских могилах.

Остались в прошлом дни невзгод,
Обстрелы и блокада.
Встречают бодро школьный год
Ребята Ленинграда.

Встречают новый школьный год
Еще в огне войны.
В поход, учащийся народ,
Надежда всей страны!

Берите книжку и тетрадь,
Как взрослые — ружье.
Учитесь жить и защищать
Отечество свое!

Склоняясь над листами книг,
Иль стоя у доски,
Не забывайте: в этот миг
В огонь идут полки.

Сегодня с вами вся страна
Встречает новый год,
Под кровлю школьную она
Детей своих зовет.

Третья Башня

Елена Катерли

Рис. Н. Петровой

Глава XII *)

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЕТЬКИ

Когда подводы скрылись за углом, Овечкин посмотрел на Петьку. Мальчик в летнем коричневом пиджакишке, без шапки, дрожал от холода.

— Пойдем ко мне на квартиру, — предложил Овечкин. — Обогрееешься, выспишься и дождешься сумерок.

„Квартира“ оказалась старой, полуразрушенной банькой, стоящей на крутом берегу над рекой. Было темно и сыро, пахло прелью, печка и стены почернели от копоти. Низкое, маленькое оконце с пожелтевшими стеклами почти не пропускало света.

— Ложись тут и отдыхай, — показал Овечкин на лавку. — Вот тебе куртка — неказистая, но теплая.

Овечкин ушел. Петька лег на лавку, натянул куртку на голову и сразу заснул крепким, тяжелым сном. Он спал весь день, почти до сумерок. Его даже не разбудили выстрелы, которые вдруг захлопали где-то поблизости.

Проснулся Петька, когда на улице уже смеркалось. Около бани, под самым окошком, кто-то стонал.

Петька быстро сел на лавке. Прижался лицом к мутному стеклу окна, — ничего нельзя рассмотреть. Тогда он вскочил и распахнул дверь в предбанник.

Темная человеческая фигура распростерлась на земле около бани. Голова человека лежала на пороге, а руки бессильно цеплялись за шершавые доски пола. Человек хрипел. Превозмогая страх, Петька нагнулся, приподнял голову человека и ахнул. В залитом кровью, подернутом предсмертной синевой лице мальчик узнал Овечкина.

Петька сорвал со стены полотенце и, намочив, начал прикладывать его к голове, к вискам, к груди умирающего. Затем он втащил Овечкина в баню, подложил подушку под голову, расстегнул ворот густо окровавленной рубахи. Сознание на минуту вернулось к Овечкину. Он сжал руку Петьки и прохрипел:

— Умираю... Газеты... не успел... сожги...

Последние слова он пробормотал совсем невнятно. Петька зашептал сквозь слезы:

— Миленький, дорогой Овечкин. Я побегу за доктором в аптеку. Потерпите немножко...

Петька вскочил, метнулся из бани на крыльцо. Услышал далекие выстрелы. И сразу же понял: никаких докторов, никакой аптеки в Лютове нет...

Петька вернулся к Овечкину и зарыдал в бессильном отчаянии. Овечкин уже умер. Лицо его

в полумраке бани светилось белизной, руки сжались в кулаки, а рядом, рассыпавшись по полу, лежали газеты „Народный мститель“.

Газеты, видно, выпали из-за расстегнутого ворота его рубахи. На них краснели пятна еще не высохшей крови.

Петька бережно собрал газеты и положил себе под рубаху.

Потом, оглянувшись по сторонам, снял с тюфяка одеяло и покрыл им Овечкина. Он делал все это не торопясь, спокойно, — страх, боль, отчаянье исчезли из его сердца.

Окинув печальным взглядом неподвижное тело, Петька решительно вышел из бани.

Настоящая зимняя вьюга разыгралась в ту ночь над Лютовым. Ветер раскачивал деревья и бросал в окна домов пригоршни снега, гремел на крышах листами железа. Немцы попрятались. Даже ночные патрули не выходили. Только далеко, около вокзала, то и дело раздавались выстрелы.

В густой темноте по городу бесшумно двигалась невысокая человеческая фигура. Она то осторожно кралась вдоль заборов, то останавливалась около домов. Вот она поровнялась с немецкой комендатурой и, оглядевшись, беззвучно вспрыгнула на крыльцо. Дверь в комендатуру была закрыта, — часовой, видно, спрятался от вьюги.

Человек приник к закрытой двери и торопливо стал прикалывать к ней какой-то листок бумаги. Ветер вырывал из рук листок, кнопки ломались. Но бумагу все же удалось приколоть. Тогда человек, спрыгнув с крыльца, скрылся в темноте. Он задерживался у других домов и всюду на стенах домов, на заборах, на стволах деревьев — оставались приколотые листы бумаги.

Около одного дома залаяла собака. Сейчас же вслед за лаем послышались торопливые шаги и громкий окрик по-немецки. Человек со всех ног бросился на другую сторону улицы к дереву. Он ловко взобрался по стволу и повис на могучих, раскидистых ветках.

Собака не унималась и гремела цепью. Кто-то с шумом распахнул калитку. Очередь из автомата гулко прокатилась по улице. Пули со свистом пролетали мимо дерева, ниже тех веток, на которых притаился человек. Но вот калитка захлопнулась, собака еще тявкнула. На улице стало тихо.

Когда окутанное тучами небо начало чуть светлеть, человек вышел к окраине города. Потом он быстро спустился с высокого берега к реке и вступил в ледяную обжигающую холодом воду. Он шел уверенно, ощупывая дно длинной палкой.

*) См. „Костер“ №№ 1, 2, 3, 4, 5—6 и 7—8.

Когда он достиг середины реки, вдруг со стороны города раздались выстрелы и ярко вспыхнули белые ракеты. И точно в ответ на вспышки ракет далеко за городом, небо озарилось багровым светом гигантского зарева. Еще через несколько секунд ветер донес грозный грохот взрыва.

Из землянок, из домов, из подвалов на улицу города высыпали люди. На ходу застегивая шинели, бежали немецкие солдаты. Стреляя в воздух из пистолета, топтался на крыльце комендатуры полудетый, растрепанный немецкий комендант.

— Поймать партизан, развесивших листовки! — кричал он. — Спустить собак! Произвести обыск!

— Собаки спущены, но следы партизан замела вьюга! — доложил обер-ефрейтор.

Видно, партизан было очень много, целый отряд. Но найти их немцы не могли даже при свете ракет.

Комендант повернулся и увидел на двери аккуратно приколотый лист газеты. Белый свет ракеты ярко озарил газету. „Народный мститель“ — так была озаглавлена газета.

Темные, расплывшиеся пятна крови ярко выступали на белой бумаге.

Газета на дверях комендатуры! Комендант протянул руку к газете, но дверь внезапно распахнулась, и на пороге появился бледный, испуганный телефонист:

— Партизаны взорвали железнодорожный мост, доложил он, — воинский эшелон потерпел крушение.

Перейдя вброд речку, Петька стрелой помчался через луг, освещенный безжизненным, мертвым мерцанием ракет. У первого куста он остановился, прислушался. Лай собак, выстрелы раздавались где-то в городе. Далеко, в той стороне, где на небе дрожало зарево, все еще слышались взрывы, раздававшиеся один за другим.

Но вот погасла последняя ракета. Петька обождал, потом вылез из своего убежища и бегом бросился в сторону от Лютова, туда, где темнели деревья леса. Он бежал не оглядываясь. Вьюга утихла. Небо посветлело, — наступало утро. Надо было торопиться, чтобы скорей добраться до условленного места в лесу, где ждали товарищи.

— Замерзли, поди, в такую-то вьюгу, — думал Петька, пробираясь по лесу. — Костер побоятся, небось, развести... А хорошо бы в лесу у огонька-то...

Он даже вздохнул, представляя себе раскалившиеся до-красна угольки костра.

Вдруг послышались чьи-то осторожные шаги и приглушенные голоса.

Петька бросился к густой, разлапистой ели и, как белка, полез по ее колючим веткам. Он прижался к шершавому стволу, стараясь ничем не выдать своего присутствия.

Люди приближались. Все явственней слышался треск сухих веток под ногами идущих. Петька старался разобрать хоть одно слово. Но ничего не мог понять.

„Может, это немцы идут по моим следам? — думал он. — Но в лесу снегу совсем нет и следов не приметить“.

В ветвях густой ели Петька чувствовал себя как дома. Из своего убежища он глядел на узкую тропинку. Сейчас покажутся люди. Вот уже выступили темные фигуры из-за деревьев. Небольшой группой, человек пять или шесть, они шли не торопясь и спокойно.

Это — не немцы! Не могли немцы так уверенно и спокойно идти по лесной чаще!

В туманном сумраке рассвета Петька разглядел двух женщин в темных платках с винтовками за плечами. Они шли впереди, тихо переговариваясь, и вдруг рассмеялись обе, звонко и весело.

— Чему смеетесь, женщины, — окликнул их мужской голос, — потише бы надо!

Этот хриловатый, низкий голос Петька знал так хорошо! И он кубарем скатился с ели.

— Батя! — завопил он, забыв всякую осторожность. — Батя, это я тут!

Широкоплечий человек в старенькой буденновке опустил поднятый было автомат и бросился вперед.

— Петька, сынок... — растерянно бормотал он, обнимая Петьку, — жив! — Он то прижимал к груди сына, то отодвигал его от себя, точно не верил своим глазам.

Свои, родные, знакомые люди окружали Петьку. Они смотрели на него радостно и любовно. Тетка Дарья — мать Харитона — совала в руку кусок хлеба, отец набросил на плечи снятый с себя короткий кожух. Два молодых парня и Николай Николаевич собирали хворост для костра. Петька крепко держал большую теплую отцовскую руку и был счастлив, как никогда в жизни. Он боялся выпустить руку отца, — вдруг исчезнут окружающие его люди, и он опять останется один, как в Лютове, — там, где немцы.

Партизаны разожгли костер, маленький и неяркий, и все уселись около него. В глубоком мол-

чании слушали они рассказ Петьки. Когда он говорил о том, как умирал Овечкин, всхлипнула Дарья, а мужчины молча сняли шапки.

— Я газету на память оставил,— закончил Петька, расстегивая ворот рубахи.

Николай Николаевич бережно взял из рук Петьки окровавленный лист „Народного мстителя“. Опустив голову, он долго смотрел на бурые пятна, сквозь которые проступали слова, призывающие к борьбе и мести.

— Хороший человек погиб,— тихо сказал он.— Почтим вставанием память героя, отдавшего свою жизнь в борьбе с врагами родины. Поклянемся отомстить подлым убийцам!

Все встали, и Петька поднялся тоже, стащив с головы шапку. Это была не его шапка— это была шапка Овечкина. Петьке захотелось разреваться, как маленькому. Но лица партизан были суровы, и он только посопел носом.

Потом партизаны забросали костер землей, затоптали тлевшие еще ветки, попрощались с Петькой и отправились дальше. А Захар пошел проводить сына до волока. Они шли рядом по узенькой тропинке. Большой, широкоплечий, с трофейным автоматом на груди— отец казался Петьке грозным и непобедимым.

— Откуда вы шли? От Лютова?— спросил Петька.

— Нет. Знаешь мост железнодорожный за первой будкой? Мы взорвали этот мост-то, зарево видел?

— Видел!— обрадованно сказал Петька.— И взрывы слышал.

— Это вагоны со снарядами рвались. Мост мы взрывали, можно сказать, у машиниста под носом, когда он уже затормозить не мог. Наверное ни одного вагона целого не осталось...

Отец с сыном дошли до дороги. Надо было простаться.

— Возьми меня с собой,— попросил Петька.

Отец внимательно посмотрел на Петьку и положил ему на плечо свою большую тяжелую руку.

— Ты, Петюшка, дело не меньше нашего делаешь,— сказал он.— Если нужно будет,— и ты свою жизнь отдай. Только дешево ее не отдавай,— старайся сам врага убить, дерись до последних сил. А чтобы не оказался ты против врага с пустыми руками, дарю тебе пистолет трофейный, я его с убитого немца снял. Он протянул Петьке небольшой, черный пистолет и запасную обойму.— Бери! И ни одного выстрела понапрасну не делай! Ну, иди, передай привет Гремячей башне!

Петька с восторгом прижал к груди пистолет и перепрыгнул через канаву. Остановившись на дороге, он быстро снял ремень, поддерживающий штаны, подтянул штаны повыше, а ремнем туго перетянул куртку. Потом засунул за ремень пистолет, оглянулся по сторонам и громко прокаркал три раза. Кусты на той стороне зашуршали, задвигались и из чащи выскочил Виктор.

— Петька!— крикнул он охрипшим, простуженным голосом.— А мы-то заждались! Замерзли совсем... Ой! что это у тебя? Револьвер? Откуда?

— Трофейный,— небрежно ответил Петька.— С немца одного убитого снят... Ну, идем! Домой. Пора!

Глава XIII

ОТЪЕЗД

Вася Шорин лежал на бабушкиной постели. Рана у него оказалась тяжелой и никак не заживала. Лиза и Верочка по-очереди кормили его, умывали, читали ему вслух книжки с бабушкиной полочки.

— Скоро ли я встану?— нетерпеливо спрашивал Вася старичка-доктора, который приходил его перевязывать.

— Скоро, скоро,— успокаивал доктор.— Немножко терпенья и все будет в порядке.

Осмотрев Васю, доктор выходил в кухню и начинал собираться в обратный путь: он надевал рваный, весь в лохмотьях армяк, бесформенную, разлезшуюся шапку, из которой клочьями торчала вата, и серую нищенскую суму через плечо. В руку он брал посошок и, сгорбившись точно старичок-побирушка, чуть передвигая ноги в огромных, залатанных валенках, выходил на улицу.

Только в лесу доктор распрямлял спину, вытаскивал из кустов спрятанные там лыжи и, быстро отталкиваясь палками, скользил по высоким сугробам.

Доктор жил в партизанском отряде. Опытный хирург, он спас жизнь многим раненым партизанам, вылечил бабушку. Когда раненого Васю перенесли из Гремячей башни в школу,— на другой же день под окном раздался жалобный голос:

— Подайте милостыньку, люди добрые...

Он приходил к Васе через день, и ни морозы, ни выюги не могли его задержать. Иногда, перевязав Васю, он садился с бабушкой за стол. Петровна подавала самовар, и доктор рассказывал о партизанах, о людях, которые приходят к ним и просят научить их бороться с фашистским игом.

— Никогда немцам не удастся покорить нас,— говорил доктор.— Наступит время, придется и им бежать, как бежали разные другие „завоеватели“.

— Пока солнце взойдет— роса очи выест,— вздыхала Петровна.— Разве его скоро выгонишь?

Вздыхала и бабушка. Лиза с Верочкой с тревогой смотрели на хмурые лица взрослых. Неужели немцы еще долго будут хозяйничать в Городищах? И обе они— Лиза и Верочка— долго не увидят своих мам и даже письма от них не получат?

* * *

Зима в этот год была очень морозная. По утрам в воздухе клубился белый, ледяной туман. На дорогах пушистыми комочками валялись замерзшие птицы, стены домов трещали. Тяжело приходилось в эти морозы партизанам в лесу, в землянках, жителям Гремячей башни. Виктор, Настасья Павловна и Юрка-почтальон, заменивший Васю Шорина, ходили с отмороженными пальцами, с опухшими руками и ногами.

Как сложно стало пробираться в Гремячую башню! Следы на снегу выдавали каждого. Всякий

раз Верочка и Лиза отправлялись в Гремячую по новой дороге, чтобы укатанная лыжня не привлекла к себе внимания Митьки косоного. Однажды девочки заметили глубокие следы вдоль проложенной ими накануне лыжни. Наверное, их проследил Митька косоной. Правда: следы скоро оборвались. Видимо, Митька провалился по пояс в снег и, выбравшись, повернул обратно.

Потом несколько дней подряд шел снег и можно было ходить без опаски. Но вот опять установилась сухая, морозная погода. К полдню, поднявшись на светлое холодное небо, солнце играло на снегу тысячами ослепительных искр. Тогда не только лыжи, но следы крохотной пичужки отчетливо вырисовывались на гладкой снежной пелене.

В один из таких ясных, морозных дней Верочка возвращалась из Гремячей башни. Она легко скользила по твердому насту. Худенькое ее личико, обычно грустное, нынче так и светилось радостью. Сильно отталкиваясь палками, мчалась она во весь дух к Городищам. Радостные известия несла она в школу: Красная Армия перешла в наступление и отшвырнула немцев от Москвы.

Вихрем слетела девочка с невысокой горки на дорогу и только хотела развернуться, чтобы направиться к дому, как из-за высокого сугроба вышел Митька косоной.

— Стой! — прошипел он, схватив ее за плечо. — Куда это ты ездил?

Если бы Верочка встретила Митьку косоного вчера, она, наверное, очень испугалась бы. Но сегодня она не чувствовала никакого страха. Со всем спокойно она ответила:

— Никуда я не ездил... Просто так по полю гуляла...

— Врешь, партизанское отродье! — зашипел Митька, сильнее сдавливая пальцами ее плечо. — Куда ходила? Отвечай!

Вера ничего не ответила. Опустив голову она осторожно пыталась выдернуть лыжу из-под тяжелой ноги Митьки косоного. Но его огромный валенок крепко прижимал лыжу к дороге.

— Молчишь, змееныш! — крикнул Митька. — Вот я сейчас заставлю тебя говорить!

Он со всего размаху ударил ее по лицу. Из рассеченной губы и носа горячей струйкой полилась кровь по подбородку девочки. Вера выпустила палки и, вскрикнув, закрыла руками лицо.

— Будешь говорить? — закричал Митька, снова схватив ее за плечо. — Ну, будешь?

Вера рванулась и, оставив лыжи, побежала по дороге к Городищам.

Митька выругался, потом надел Верочкины лыжи, свернул с дороги и пошел через поле, по следам, которые вели прямо к Гремячей башне...

Верочка остановилась на околице деревни. Митька ее не преследовал. Она сняла рукавицы и хорошенько протерла снегом разбитое в кровь лицо.

Солнце уже село. Морозные сумерки спустились на землю, когда Верочка добежала до школы. Она вбежала на крыльцо, настезь распахнула двери на кухню и еще с порога закричала:

— Радость! Победа! Наступление! Немцев гонят от Москвы!

Замерзшими, непослушными пальцами она выхватила из кармана пачку газет и бросила их на стол. Крупный заголовок „Разгром немецких войск под Москвой“ — повторялся на каждой газете.

Бабушка, взглянув на газеты, бессильно опустилась на скамейку и заплакала.

Схватив одну газету, Верочка бросилась в комнату, где лежал Вася. Забыв боль и слабость, Вася наклонился над листом „Народного мстителя“. Рука его дрожала, слезы застилали глаза. Он вчитывался в каждую букву сообщения.

Долго не ложились спать в этот вечер все обитатели маленькой школы. Петровна затопила печку, поставила самовар и по-праздничному, на белой скатерти, накрыла стол в бабушкиной комнате, около кровати Васи. Радость была так велика, что рассказ Веры о встрече с Митькой никому не испортил настроения.

— Я как побегу, — он и рот разинул, — рассказывала Вера. — Держит лыжу, а меня-то и нет давно...

Все смеялись над Митькой и только Вася сказал озабоченно:

— Как бы он по твоим следам до наших не добрался. Выследит, да немцам сообщит...

— Немцам теперь не до нас, Васенька, — успокоила его бабушка.

Пока Вася и бабушка спорили, Лиза и Верочка оделись и незаметно выскользнули на улицу. Высоко в небе стояла окруженная большим белым кольцом луна. Девочки подбежали к Верочкиной избе. Темная, с заваленным снегом крыльцом, стояла она среди таких же нежилых изб.

По пояс проваливаясь в снег, девочки добрались до крыльца и с трудом отперли большой, висячий замок.

Лунный свет чуть пробивался в темную избу через промерзшее стекло.

— Завтра печку вытопим, — сказала Верочка. — Воды чугуна нагреем, вымоем все, уберем. И послезавтра топить будем и после-послезавтра, каждый день, пока мама не придет.

В избе было очень холодно, и девочки забрались с ногами на высокую, мягкую постель.

— Когда мама вернется, — мечтательно сказала Вера, — она мне будет рассказывать про войну, про партизан. А я — как в Гремячую башню ходила.

Девочки долго шептались, сидя на холодной, как сугроб, перине. Когда замолкали, то слышали как трещит мороз в стенах, как тоненько завывает в трубе ветер, как шуршит снег около распахнутых на улицу дверей. Вдруг откуда-то издалека, начали доноситься скрип снега под ногами и голоса. Девочки, прыгнув с кровати, вышли в сени.

— Кто это? — прошептала Лиза.

По дороге, со стороны леса двигались люди — человек тридцать, а то и больше. Сзади медленно шагали две лошади, запряженные в розвальни, а за ними бежала большая, косматая собака.

Кто был одет в нагольный полушубок, кто в куртку, кто — в длинное пальто. Около саней шли три мальчугана, за их спинами поблескивали винтовки.

Около школы люди на минуту остановились. Потом распахнулись ворота и отряд исчез на школьном дворе. Въехали туда и лошади, а собака вбежала следом за ними.

— Вера, кто это? — повторила Лиза.

— Ты знаешь, — радостно шепнула Вера, — это партизаны. Это мама моя! Бежим скорей!

Девочки с разбегу толкнули калитку школьного двора, но дорогу им преградил человек с винтовкой в руках.

— Куда? — спросил он. — Кто такие?

Подруги остановились. Немолодой, с нависшими бровями, он смотрел на них пытливо и строго.

— Мы здесь живем, — испуганно ответила Лиза. — С бабушкой.

— Здесь живете? Сейчас мы это проверим.

Человек тихонько свистнул, и с крыльца быстро сбежал невысокий паренек.

— Узнай, живут ли тут эти барышни, — приказал ему часовой.

Паренек взглянул на девочек и обрадованно сказал:

— Девчонки! Где это вы пропадали?

— Петька! — взвизгнула Лиза. — Петечка! Петечка, кто это к нам пришел?

— Кто! кто! — придешь, узнаешь, — проворчал Петька. — Свои это, дядя Семен, — обратился он к человеку в тулупе.

— Ну, раз свои — пусть идут, — сказал часовой и посмотрел теперь на девочек совсем не строго, а ласково.

С крыльца навстречу Лизе и Вере прыгнул Веселый и завил хвостом.

— Сережка здесь? А Харитоша? — спрашивала Лиза. — Кто еще пришел? Война кончилась?

— „Кончилась“... — фыркнул Петька. — Больно ты прятка! Идите в дом, я здесь на крыльце часовым стою.

— Петя, а моя мама здесь? Да? — с надеждой спросила Вера.

— Пришли только те, кому нужно. А мать твоя — тетка Анисья — на другое дело направлена.

— Не пришла мама! — вздохнула Верочка.

В кухне сидели и стояли мужчины, отогреваясь у яркого огня. На лавках, на полу грудой были навалены полушубки, около стены стояли винтовки, а на столе — пулемет. Петькин отец — дядя Захар — возился с пулеметом, ему помогали Сережа и Харитоша. Какой-то молодой паренек подавал Петровне из открытого подполья ведро картошки.

В бабушкиной комнате за столом сидел Николай Николаевич, старичок-доктор и какой-то мужчина в пиджаке, с орденом. Одной руки у этого человека не было, и пустой рукав пиджака был подколот английской булавкой. Еще несколько человек сидели на девчокиных кроватях, но их лица нельзя было рассмотреть при свете коптилки.

— Надо ехать, Катерина Ивановна. Поживете в сторожке, — убеждал бабушку человек с орденом. — Исход операции никому не известен. Зачем же рисковать жизнью девочек, вашей жизнью, Васиной! Да и нас свяжете...

Бабушка расстерянно смотрела то на Николая Николаевича, то на Васю, который лежал, закрыв глаза и крепко сжав губы.

— Как же мы Васю повезем? — неуверенно спросила она.

— Мы его эвакуируем по всем правилам медико-санитарной службы, — весело сказал доктор.

— А как же Витюшка и остальные мальчишки? — не сдавалась бабушка.

— За мальчиков вы не беспокойтесь. Они молодцы. Они здесь нужны будут и, я уверен, останутся целы и невредимы.

Лиза и Верочка ничего не понимали. Но вот бабушка решительно встала из-за стола, подозвала к себе девочек и сказала:

— Мы сейчас уезжаем. Достаньте из шкафа мою шубу, шаль, вязаный платок. Найдите свои рукавицы и чулки шерстяные. Одевайтесь теплей.

— Куда мы поедем, бабушка? — шепнула Лиза. — На совсем?

— Нет, нет, не на совсем, — уверенно сказала бабушка и быстро пошла на кухню.

Девочки стали доставать из шкафа теплые вещи. Доктор уже кончил перевязывать и укутывать Васю. Натягивая чулки, Лиза испуганно поглядывала кругом: все было так необычно. Уж не снится ли ей сон?

Бабушка вернулась в комнату вместе с Петровной.

— Вот еще! — возражала Петровна. — У меня печь затоплена, а я в лес поскочу? Полон дом людей голодных да зазябших, а я их брошу?

— Надо ехать, Петровна! — убеждал ее Николай Николаевич. — Мы скоро тоже отправимся. Вдруг немцы сюда прорвутся, деревню подожгут. А ты...

— Да что ты меня пугаешь, — совсем рассердилась Петровна. — Недосуг мне тут с тобой спориться... А ты, Катенька, — обратилась она к бабушке — собирайся! Тебе девчат, да Василия надо везти. Я вам на дорогу картошку горячую в полотенце заверну.

Не обращая больше никакого внимания на Николая Николаевича, она торопливо вышла из комнаты. Однорукий человек с орденом проводил ее пристальным взглядом.

— Старуха с характером! — улыбнулся Николай Николаевич. — А вам, Катерина Ивановна — пора!

Запряженная в розвальни лошадь уже стояла у крыльца. Около нее, поправляя и подтягивая упряжь, ходил старичок Иван Трофимович. Двое партизан осторожно вынесли носилки, на них лежал укутанный с головой Вася. Вера и Лиза, замотанные в большие платки, испуганно жались к бабушке. Петровна вынесла узелок с картошкой. От узелка так и валил пар.

Все засуетились около саней, устраивая поудобней Васю, а бабушка обнялась с Петровной.

— Может поедешь, Дуся? — шепнула она, — всю жизнь вместе, а в такую минуту расстаемся...

— Как можно нам обоим уезжать? — шопотом ответила Петровна. Кто присмотрит за школой? Поезжай, живы будем, — встретимся.

Петровна поцеловала бабушку, потом девочек и тихонько подтолкнула их к саням.

Бабушка, уже сидя в санях, жала партизанам руки, кого-то обнимала... Потом махнула рукой Петровне, окинула взглядом школу, в которой проработала всю жизнь.

Сани тронулись.

(Окончание следует)

Стихи о школе

Л. Хаустов

* * *

Хмурые нависнувшие брови,
А в глазах лукавый огонек.
Это физик — Александр Петрович,
Знаменитый в школе педагог.

В класс входил и становилось слышно,
Как звенит за окнами капель,
Спрашивал: „Ну что в задачах вышло,
Капитаны, севшие на мель?“

И нередко на слово поверит,
Сам подскажет правильный ответ,
А в другой раз обойдет, проверит
И лентяя выведет на свет.

Разделял все классные заботы,
И любил он с нами отдохнуть,
И любую называл работу:
Силою, помноженной на путь.

А бывало, соберет всех вместе,
И пойдем по городу гулять.
На небе покажет все созвездья —
Только успевай запоминать.

Целый месяц свой доклад готовишь,
Чтобы слушал полный школьный зал,
Чтобы физик Александр Петрович
Слово „добре“ нараспев сказал.

Рис. Н. Петровой

* * *

Как хорошо все видевшим солдатом
Прийти туда, где вырос, где мужал.
Меня узнали многие ребята,
И старый физик руку мне пожал.

А дядя Саша — школьный гардеробщик —
Такой же строгий, даже злой на вид,
Улыбкою усы свои топорщит
И мне с почтеньем „здрaсте“ говорит.

Я обошел все здание и даже
За парту сел. Припомнил всех друзей.
Так люди ходят лишь по Эрмитажу
Да по дорогам юности своей.

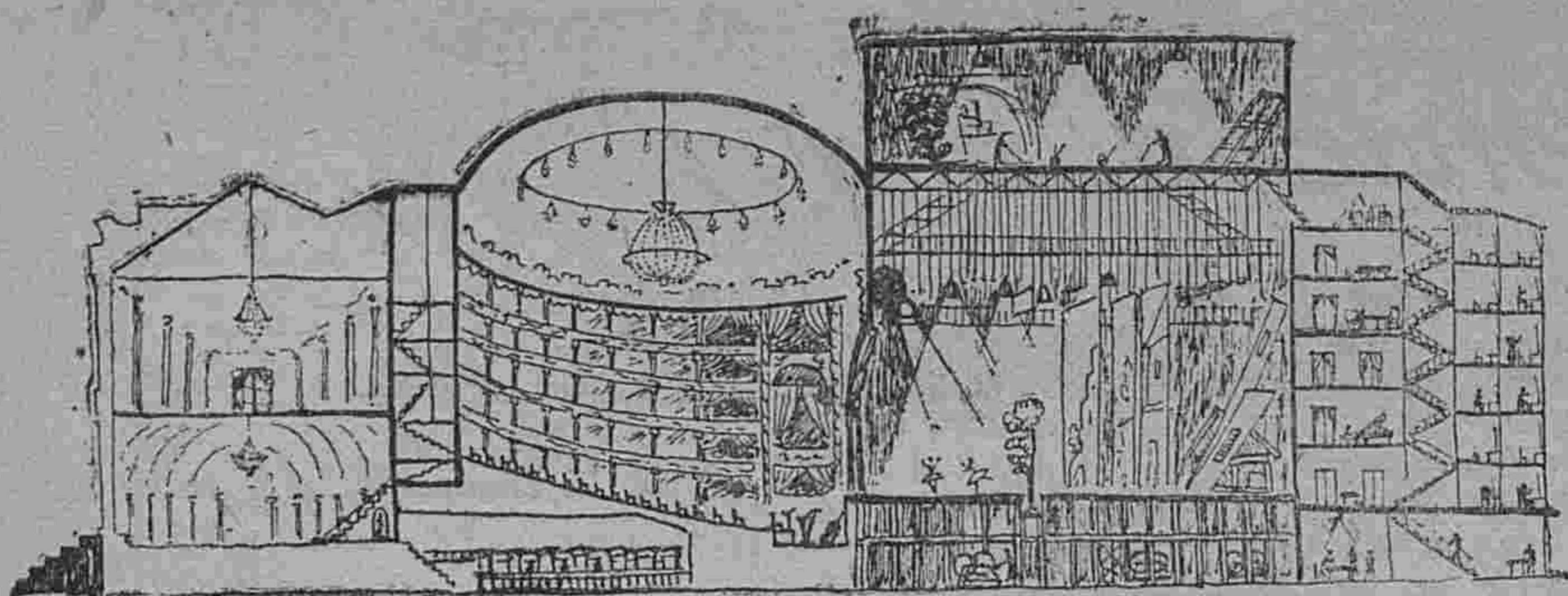
* * *

Мой школьный друг, где б ни шагал сейчас ты,
С тобою мы идем в одном строю,
В строю солдат, воюющих за счастье,
За Родину любимую свою.

Я вижу день: с победой мы вернемся
И город будет весь в живых цветах.
И мы опять все вместе соберем
В погонах, при оружьи, в орденах.

И мы пойдем по улице веселой
В высокий дом на берегу реки.
Встречай гостей, родная наша школа,
К тебе идут твои ученики!

ЗА КУЛИСАМИ ТЕАТРА

А. Дорохов

Посмотрите внимательно на здание какого-либо театра. Вы увидите, что одна его часть значительно возвышается над всеми строениями.

Те, кто бывал в театре только на спектаклях, скажут, что самая высокая крыша именно над зрительным залом. Ведь здесь расположены кресла, амфитеатр, ложи и те верхние ярусы, которые теряются где-то в вышине под потолком.

На самом же деле самая высокая и самая большая часть театрального здания — это та, где расположена сцена.

Зритель, который смотрит спектакль, видит только ту небольшую часть сцены, на которой происходит действие, остальная часть сцены скрыта от него бархатными складками портала. На самом деле потолок сцены устроен гораздо выше потолка зрительного зала, а под полом сцены расположены глубокие подвалы, которые называются трюмом.

Для чего же сцену делают такой большой?

Вы смотрите спектакль. Перед вами — площадь большого восточного города. Сквозь колоннаду какого-то прекрасного здания виден бьющий из земли фонтан. Уходящая вдаль улица теряется среди домов. Большое дерево раскинуло свои ветви над балконом дворца.

Занавес тихо опустился. Музыка продолжает играть. Проходят всего одна-две минуты, занавес поднимается вновь, и перед вашими глазами чудесный сад.

Куда же делся тот город, который только-что был на сцене?

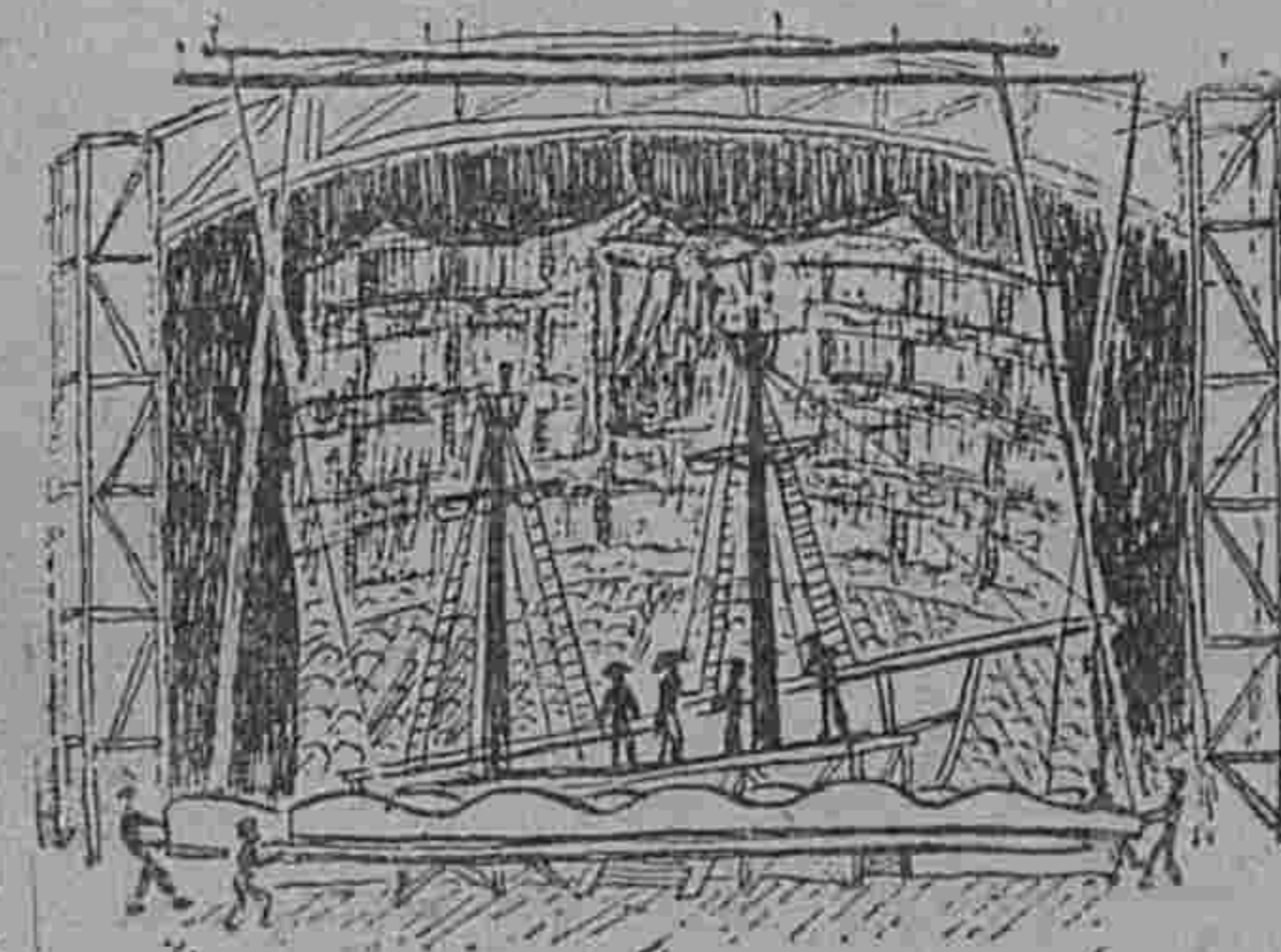
Старая крепостная стена, искусно нарисованная на холсте, взвилась вверх и повисла над сценой. Там же разместились и колонны здания и улица с домиками, которая была только нарисована на задней декорации. Прекрасный фонтан плавно опустился вниз и ушел в трюм под сценой. Огромное

дерево плотники быстро откатили на скрытых в его подножии колесиках в сторону, а на смену всему этому сверху спустилось голубое небо, снизу поднялись клумбы цветов, сзади выдвинулась увитая плющом беседка.

Теперь, наверное, вам понятно, что, для того, чтобы быстро менять обстановку сцены, над сценой и позади нее надо иметь очень много места.

Если вы подниметесь по узкой железной лестнице в то пространство над сценой, которое называется колосниками, вы увидите, что там висят декорации всех пьес, какие идут в этом театре. На особых мостиках вы увидите, плотников, которые по сигналу помощника режиссера быстро спускают одни декорации и поднимают другие. На соседнем мостике расположились осветители, устанавливающие сильные прожекторы так, чтобы они освещали актеров.

Здесь же над сценой находятся те механизмы, при помощи которых в театре устраивают полеты. Чтобы артист, играющий Черномора в опере „Руслан и Людмила“, мог пролететь через сцену, ему приходится надевать под костюм прочный кожаный корсет. В нужный момент он быстро пристегивает пряжку корсета к крючку от проволоки, укрепленной на блоках над сценой. Рабочие сцены тянут эту проволоку, и Черномор совершает свой полет.

Если вы спуститесь в трюм, там вы увидите других рабочих. Вот один из них направляет сильный вентилятор на тоненькие лоскутки красного газа, укрепленные на решетке над его головой. Лоскутки трепещут и бьются, а зрителям кажется, что в камине на сцене горит огонь и мелькают языки пламени.

Если же нужно, чтобы на сцене был показан пожар, тогда к различным местам декораций сзади подводят особые трубки. Из этих трубок вылетает горючий порошок, который вспыхивает только на одно мгновение. Из других трубок в это же время пускают сильную струю обычного пара. Все это освещают лучами красных прожекторов. Зрителям же кажется, что сквозь густые клубы дыма пробиваются языки пламени, и отблески бушующего огня тревожным заревом освещают сцену.

В трюме расположены и другие машины: одни из них могут изображать звуки дождя, ветра или грома, другие — звуки ружейных выстрелов или орудийных залпов, третьи — подражают шуму идущего поезда.

Можно поступить иначе: на кинофабрике заснять на пленку и вой ветра, и гул морского прибоя, и шум толпы на улице большого города. Механик пустит в нужный момент эту пленку через особые приборы, похожие на киноаппараты, и зрители услышат записанные на пленке звуки.

Иногда в больших театрах устраивают вертящуюся сцену. Это большой деревянный плоский круг, разделенный на несколько частей по радиусам. Кулисы устанавливают так, что зритель видит только ту часть круга, на которой стоит декорация первой картины пьесы. Затем круг поворачивают и перед зрителем вторая картина пьесы. На такой сцене удобно играть пьесы, в которых быстро и часто меняется место действия.

Иногда в театре вообще обходятся без декораций. В этом случае с боков сцены и сзади нее подвешивают большие занавесы из одноцветной материи, — „сукна“. При помощи особых аппаратов, напоминающих большие волшебные фонари, на эти сукна проектируют нарисованные на стеклянных пластинках пейзажи или здания. Актеры ходят вдоль гладкого занавеса, а из зрительного зала создается впечатление, что они гуляют по улице большого города.

С правой стороны сцены слегка возвышается будочка, верх которой лишь немного выдается над полом сцены. Это главный пост театрального осветителя. Отсюда он следит за ходом спектакля и

командует сложной механикой освещения. Перед театральным осветителем лежат листки, на которых записан тот порядок перемены света, который установлен режиссером для этого спектакля.

Вот актер произнес фразу, написанную на листке. Осветитель взглянул на запись и повернул рычаг прибора. В сотнях красных и желтых лампочек чуть-чуть уменьшился накал, и на сцене стало чуть темнее. Через каждые несколько секунд осветитель передвигает рычаги: зрителю кажется, что наступают сумерки.

Новая отмеченная фраза — и осветитель включает ряд красных лампочек в стоящей в боковой кулисе металлической рампе, которая называется с о ф ф и т. Сцену озаряют первые лучи поднимающейся из-за горизонта луны. Теперь он прибавляет голубой свет и, наконец, включает сильный мерцающий белый прожектор. Луч взшедшей луны падает на актеров, на сцене — лунная ночь.

Умело освещая сцену цветными прожекторами, театральные осветители легко добиваются того, что грубый раскрашенный холст кажется блестящим шелком или благородным бархатом.

Те разноцветные прожекторы и лампы, которыми освещается сцена, способны очень сильно изменять вид находящихся на сцене предметов. Обычное человеческое лицо кажется при сценическом освещении серым и невыразительным. На большом расстоянии все оно кажется сплошным пятном.

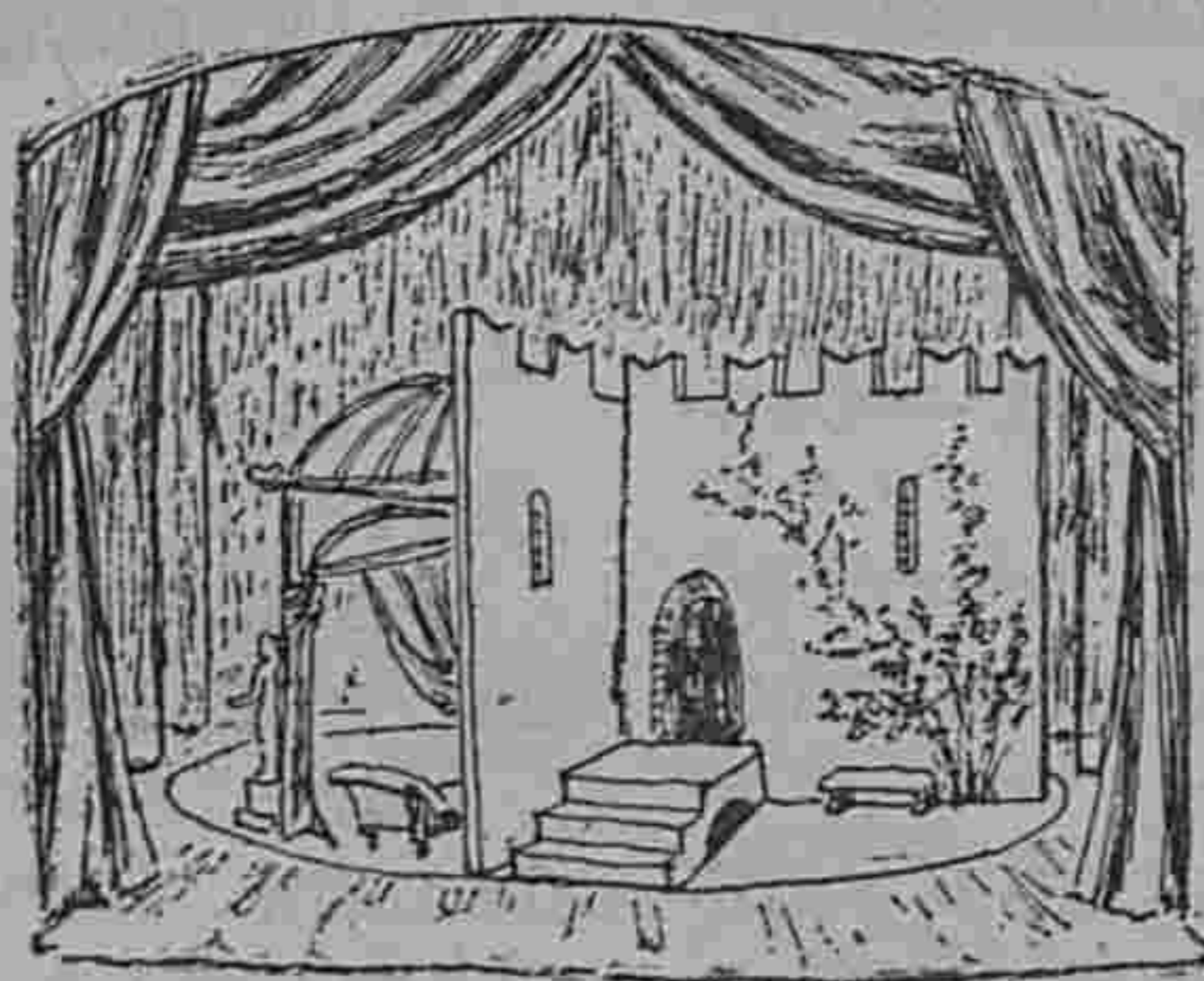
Поэтому актерам приходится гримироваться. При помощи особых гримировальных красок актеры делают себе большие глаза, резко очерченный рот, четкие брови. Пользуясь гримом, наклейками, можно из молодого лица сделать старое, некрасивое превратить в красивое. Черный парик и наклеенные черные брови делают из блондина брюнета.

Когда это нужно по пьесе, маленький и худощавый актер может стать высоким и толстым. Для этого он надевает на ноги башмаки на толстой подошве и высоких каблуках. К животу привязывается

ватная подушка. Такие же ватные подушки различной формы подвязывают к ногам и рукам и даже на шею. Остальное делает умелый грим.

Поднимемся с вами на чердак — над потолком сцены — в мастерскую театрального художника. Прямо на полу в мастерской разостланы огромные куски холста. Перед тем как писать настоящие декорации, художник рисует их в уменьшенном виде на бумаге. Эти рисунки — их называют э с к и з а м и — художник передает своим помощникам. Те делают маленький рисунок на квадраты и на такое же количество квадратов делят холст, приготовленный для декораций. Затем они переносят на каждый квадрат холста в увеличенном виде часть рисунка, которая изображена в соответствующем квадрате эскиза.

Если тщательно нарисовать на плоской декорации дерево со всеми его листочками, то издали, при

искусственном электрическом свете, оно будет выглядеть, как грязное, мутное пятно. А те резкие желтые, зеленые, синие и коричневые пятна, которые рисуют декораторы, из зрительного зала кажутся настоящей листвой. Это особые законы театральной изменчивости, и их должны очень хорошо изучить театральные художники.

Очень любопытно прогуляться по различным комнатам, которые расположены по бокам сцены большого театра.

Вот комната театрального парикмахера. Здесь повсюду развешаны и разложены различные бороды и бакенбарды, усы всех цветов и форм, пудренные парики маркизов и золотистые локоны красавиц, растрепанные вихры пастушонка и курчавые завитки волос негра.

А вот комната театрального портного. В длинных глубоких шкафах висят, рядами на вешалках сотни костюмов. Рядом с сетчатой кольчугой крестоносца висит камзол петровской эпохи, древнегреческая туника может оказаться в соседстве с современным фракком.

Здесь же расставлена обувь всех форм и фасонов, разложены разные шляпы, перчатки... Многие театральные костюмы — это подлинные произведения искусства. Театральный костюмер должен уметь шить не только всекостюмы, которые когда-либо носили люди, но и такие костюмы, которые никто не носил и которые придумал художник.

Еще занятнее в комнате театрального бутафора. Вот уж, поистине, здесь есть все на свете! Мечи и шпаги, ружья и пистолеты, кубки и чайная посуда, цветы и фрукты. На одной и той же полке рядом может оказаться чучело собаки и телефонный аппарат, скрипка и ребенок в пеленках. И все это не настоящее, а искусно сделанное из бумаги, картона, тонкой жести или дерева.

Настоящие вещи редко употребляются на сцене прежде всего потому, что они слишком дороги, а главное, слишком тяжелые. Какое было бы артисту передвигаться весь вечер в железных рыцарских доспехах! А в бутафорских картонных латах он чувствует себя совсем легко. Из зрительного же зала разница незаметна.

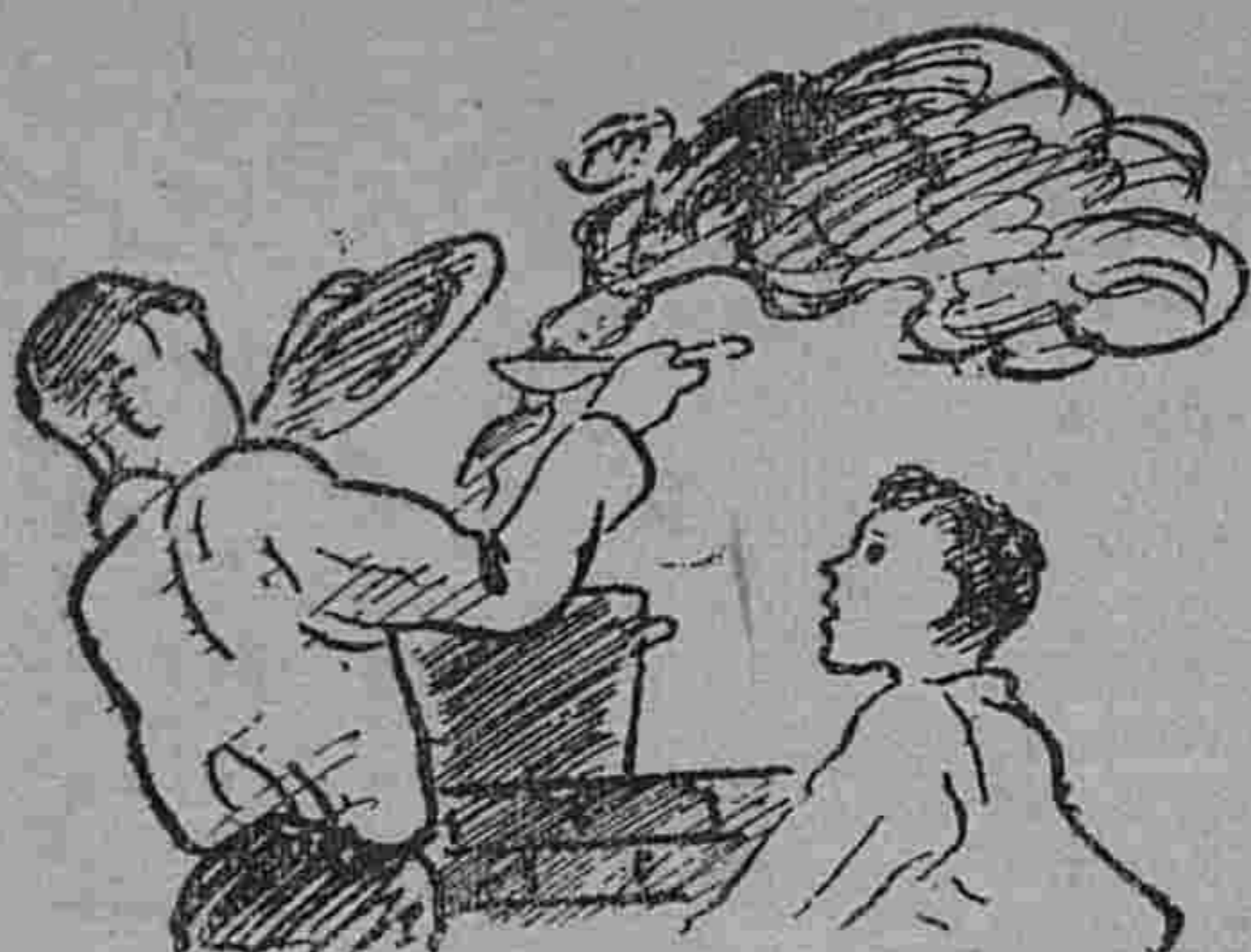
* * *

В театре множество профессий — и каждая из них по своему важна, каждая необходима. Автор может написать замечательную пьесу. Актеры могут эту пьесу разучить. И все-таки спектакль может провалиться, если не будет работать хотя бы один из винтиков сложной театральной машины.

Как же пойдет спектакль, если театральные художники не напишут декораций, если плотники не поставят их на сцене, если театральный портной не сошьет костюма, если парикмахер не сделает париков, если бутафор не приготовит вещей, если осветитель не даст на сцену свет?

Поэтому, глядя на спектакль и аплодируя любимым актерам, не забывайте и о тех, кто скрыт от вашего взгляда за кулисами театра, чье умение и труд помогли создать замечательное зрелище.

МИШКИНА КАША

В. Носов

Рис. Н. Муратова

Мы жили в лагере. Лето было в полном разгаре. Сорную траву на огороде мы выпололи, картошку окучили, свеклу, морковку проредили, землю зарыхлили вокруг. Все было так хорошо, что слава про нас разнеслась далеко вокруг. К нам даже приехал председатель колхоза „Красная Заря“.

— Хороший у вас огород, — сказал председатель. — Большой урожай будет. И ребята у вас хорошие, старательные! Вот к нам бы таких ребят, хоть на пару дней, — сорняки прополоть.

— А что, ребята, — говорит пионервожатый Витя, — поедем! Колхозникам поможем! Все обрадовались.

Председатель обещал на следующее утро прислать машину за нами, а сам уехал. Витя собрал нас всех и сказал:

— Завтра едем на два дня. Только все поехать не смогут. Надо двух человек здесь оставить: хлеб получить, к нашему приезду ужин приготовить и за хозяйством присмотреть.

Все, конечно, захотели ехать. Только я остался, потому что порезал руку и все равно не смог бы работать. Мой товарищ Мишка услышал, что я не поеду, тоже решил остаться.

— Только вам, — говорит Витя, — придется самим себе варить обед и нам на ужин кашу приготовить. Сумеете?

— Сумеем, — говорит Мишка. — Чего там не суметь!

На следующее утро все уехали, а мы с Мишкой остались полными хозяевами. С самого утра мы ничего не варили. Поели хлеба с вареньем и решили пойти на реку.

— Наловим рыбы, — говорит Мишка, — и к приезду ребят ухи наварим.

Целый день мы на реке проболтались. Купались и рыбу ловили. Только рыба плохо клевала. Поймали всего десяток пескариков маленьких.

К вечеру вернулись в лагерь. Есть хочется!

— Ну, Мишка, — говорю я, — ты специалист. Давай кашу варить.

Нарубили дров, растопили плиту. Мишка насыпал в кастрюлю крупы. Ну, я за печкой смотрю, дрова подкладываю, а Мишка кашу варит, то-есть не варит, а сидит да на кастрюлю смотрит. Каша сама варится. Скоро стемнело. Мы зажгли лампу. Сидим, ждем, когда каша будет готова. Вдруг, смотрю: крышка на кастрюле приподнялась и из-под нее каша лезет.

— Мишка! — говорю. — Что это? Почему каша лезет?

Мишка схватил ложку и стал кашу обратно в кастрюлю впихивать. Мял ее, мял, а она опять вываливается наружу.

Взял Мишка тарелку и стал в нее лишнюю кашу перекладывать. Наложил полную тарелку.

Взял я ложку, попробовал. Крупа совсем еще твердая и даже сухая.

— Мишка, говорю, — куда же вода девалась?

— Не знаю. Я много воды налил. Может быть дырка в кастрюле.

Стали мы кастрюлю осматривать. Никакой дырки нет.

— Наверно, испарилась, — говорит Мишка. — Надо еще подлить.

Снова налил в крупу воды. Стали варить дальше. Варили, варили. Смотрим, опять каша наружу лезет.

— Ах, чтоб тебя! — закричал Мишка. — Куда же ты лезешь?

— Ты, наверно, много крупы положил — говорю я. — Она разбухает и ей тесно в кастрюле становится.

— Да, — говорит Мишка, — кажется я немного крупы переложил.

Отошел я в сторонку, а Мишка варит, то-есть не варит, а только и делает, что лишнюю крупу в тарелки перекладывает. Весь стол уставил тарелками, как в ресторане. И все время воды подливает. Я не вытерпел и говорю:

— Нам надо поесть да спать ложиться. Смотри, двенадцать часов уже!

— Успеешь выспаться, — говорит Мишка.

И снова бух в кастрюлю кружку воды. Тут я понял в чем дело.

— Ты, говорю, все время холодную воду льешь! Как же она может свариться?

— А как, по твоему, без воды что ли варить?

— По моему надо выложить половину крупы, налить воды сразу побольше и пусть варится, чтоб не охлаждать ее все время холодной водой.

Отнял я у него кастрюлю, вытряхнул из нее половину крупы.

— Наливай, — говорю, — теперь воды доверху.

Мишка взял кружку, полез в ведро. Но воды не оказалось. Кончилась вся. Мишка тогда привязывает к ве-

дру веревку и идет к колодезю. Через минуту возвращается.

— Я, — говорит, — ведро в колодезь упустил!

— Ах ты, — говорю, — разиня! Чем теперь воды достать?

— Чайником можно.

Я взял чайник и говорю:

— Давай веревку.

— А ее нет, она в колодезе.

— Так ты, значит, с веревкой ведро упустил?

— Ну, да.

Стали мы другую веревку искать. Нет нигде. Мишка говорит:

— Пойду у соседей попрошу.

— С ума ты сошел! Посмотри на часы. Люди спят давно!

Тут как нарочно нам обоим пить стало хотеться: это всегда так бывает. Когда нет воды, так еще больше пить хочется. Поэтому в пустыне всегда пить хочется, потому что там нет воды.

Размотали мы удочку, привязали леску к кружке. Мишка взял кастрюлю с кашей, чтоб прямо в нее воды натаскать и пошли к колодезю. Вытащили несколько кружек, напились, потом в кастрюлю налили.

Пришли мы домой. Каша у нас остыла, печь погасла. Растопили мы ее снова и принялись кашу варить. Варили, варили, наконец, она закипела, сделалась густая и стала пыхтеть: „Пых! Пых!“

— О, — говорит Мишка, — хорошая каша получилась, знатная!

Я взял ложку попробовал... Тьфу! Что за каша! Горькая, воняет гарью. Мишка тоже попробовал и выплюнул.

— Подгорела, — говорит. — Надо было мешать ее, а мы ее не мешали.

Тогда мы в кашу перцу насыпали, накрошили луку, укропа, чеснока. Не помогло! В рот взять нельзя!

— Что же делать? — спрашиваю.

— Чудаки мы! — говорит Мишка, — у нас ведь пескари есть!

Мишка почистил пескарей и положил на сковородку. Сковородка нагрелась, пескари и прилипли к ней. Мишка стал отдирать пескарей от сковородки ножом, все бока ободрал им.

— Да кто же, — говорю, — рыбу без масла жарит?

Мишка налил постного масла на сковородку и сунул ее в печь, прямо на горячие угли, чтобы поскорее зажарилось. Масло зашипело, затрещало и вдруг вспыхнуло на сковороде пламенем. Мишка скорее вытаскивает сковороду.

В комнате дым и смрад, а от пескарей одни угли остались.

— Ну, — говорит Мишка, — что теперь жарить будем?

— Нет, — говорю я. — Больше я тебе ничего жарить не дам! Мало того, что ты продукты портишь, так ты еще в доме пожар устроишь!

Проспали мы все утро и весь день. Некому было разбудить нас. Наконец просыпаемся.

— Батюшки, — говорю, — скоро ребята из колхоза приедут, а мы ужина и не думали варить!

Мишка за голову схватился и полез доставать крупу, чтобы кашу варить. Я как увидел, так меня даже в дрожь бросило.

— Не смей! — говорю. — Бери сумку и сейчас же беги за хлебом, а я пойду к соседке, к Марье Максимовне, попрошу, чтоб она приготовила ужин. Нельзя же, чтобы из-за нас все ребята остались голодными.

Мишка помчался за хлебом, а я бросился к Марье Максимовне. Сказал ей, что мы с Мишкой сорняки у нее на огороде выколем, только пусть она нам поможет приготовить ужин. Марья Максимовна согласилась и для всего отряда сварила вкусную кашу. Ужин удался на славу, и все ребята остались довольны.

На другой день мы достали и ведро и веревку. Так что ничего не пропало. А потом мы с Мишкой у Марьи Максимовны на огороде два дня сорняки пололи.

И совсем это не такое плохое занятие — сорняки дергать! Гораздо легче, чем кашу варить!

День школьника

Этим летом в Ленинградской студии Техфильма был снят специально для школьников очень интересный фильм. Называется он „День школьника“. Тема его — гигиена школьника. Сценарий для фильма написан режиссером-орденоносцем Н. И. Галкиным. Этот фильм рассказывает, как должен вести себя школьник, чтобы вырасти здоровым, крепким человеком.

Все знают, например, что одно из первых условий здоровья — чистота. Это, без сомнения, хорошо известно каждому ученику.

Но можно ли каждого школьника назвать опрятным, чистоплотным? К сожалению, нет. Иногда ребята садятся обедать, даже не вымыв рук. А мыть руки перед обедом следует обязательно. Даже если они кажутся на вид чистыми.

Вспомните, что вы делали перед едой? В классе вытирали тряпкой мел с доски, в перемену играли в мяч, брались за дверные ручки и лестничные перила, пожимали множество рук... Конечно, в порах — мельчайших отверстиях кожи рук — остается и мел, и земля, и всякая грязь. А с грязью окажутся и бактерии. Во время еды и грязь и бактерии попадут в рот... Какие это бактерии — вы увидите на экране; они способны вызвать болезни, которые на много дней уложат вас в постель.

Почему утром следует обтираться до пояса водой и тщательно с мылом мыть лицо, шею, уши, руки? Потому, что в невымытой коже поры закупорены жиром, потом, грязью. Вместе со всем этим внутрь кожи легко проникнут бактерии. Появятся болячки, прыщики, и может начаться заражение кожи.

В фильме „День школьника“ показан весь день школьника: с утра и до вечера, в школе и дома, во время занятий и в часы досуга.

Не все кадры фильма можно было снять обычным способом. Например, нужно было снять как искривляется у школьника позвоночник, если он из месяца в месяц неправильно сидит за партой. Для этой съемки пришлось прибегнуть к помощи рентгеновского аппарата. А вот для того, чтобы на экране показать

микробов, паразитов, на помощь кино пришел микроскоп.

Есть в фильме такой эпизод: мальчик смотрит в окно и вместо летнего пейзажа перед ним возникает зимний. Он мечтает покататься на коньках или лыжах вместе с другими детьми. Здесь кадры зимней и летней съемки на натуре совмещены особым способом с кадрами, снятыми в студии, в павильоне. Этот способ называется „рир-проекцией“. Есть в этом фильме и мультипликационные кадры, т. е. нарисованные художником и показанные в движении.

В студии Лентехфильма нет детей-актеров. Снимались в этом фильме ленинградские школьники.

Главную роль поручили двенадцатилетнему Володе Малиновскому, роль младшей сестренки — шестилетней Регине Бельшевой.

Сниматься в кино — не развлечение. Это большая, трудная работа. В студии горит иногда больше десятка мощных электрических ламп.

Все они вместе с объективом киноаппарата устремлены прямо на тебя. А тут надо не теряться, не шалить, а выполнять именно то, что требуется по сценарию. Во время работы над фильмом приходилось не раз репетировать одну и ту же сценку. Но, несмотря на это, бывало, что при съемке получались неудачные кадры. Актеры делали не совсем то, что полагалось. Тогда приходилось снова переснимать всю сценку.

Был такой случай: по сценарию Регина стелет постель, — этому она научилась от старшего брата. Девочка кладет подушки и слегка приминает их рукой. На репетиции все шло хорошо. Но вот оператор Чечулин взялся за ручку аппарата, — Регина растерялась и забыла прихлопнуть подушки. Съемку повторили. Все сошло благополучно, но в последний миг девочка оглянулась. Опять не годится! В третий раз маленькая подушка упала из ее рук...

Теперь фильм готов. Он будет показан во всех школах нашей страны.

Здесь на фотографиях вы видите некоторые кадры из фильма „День школьника“.

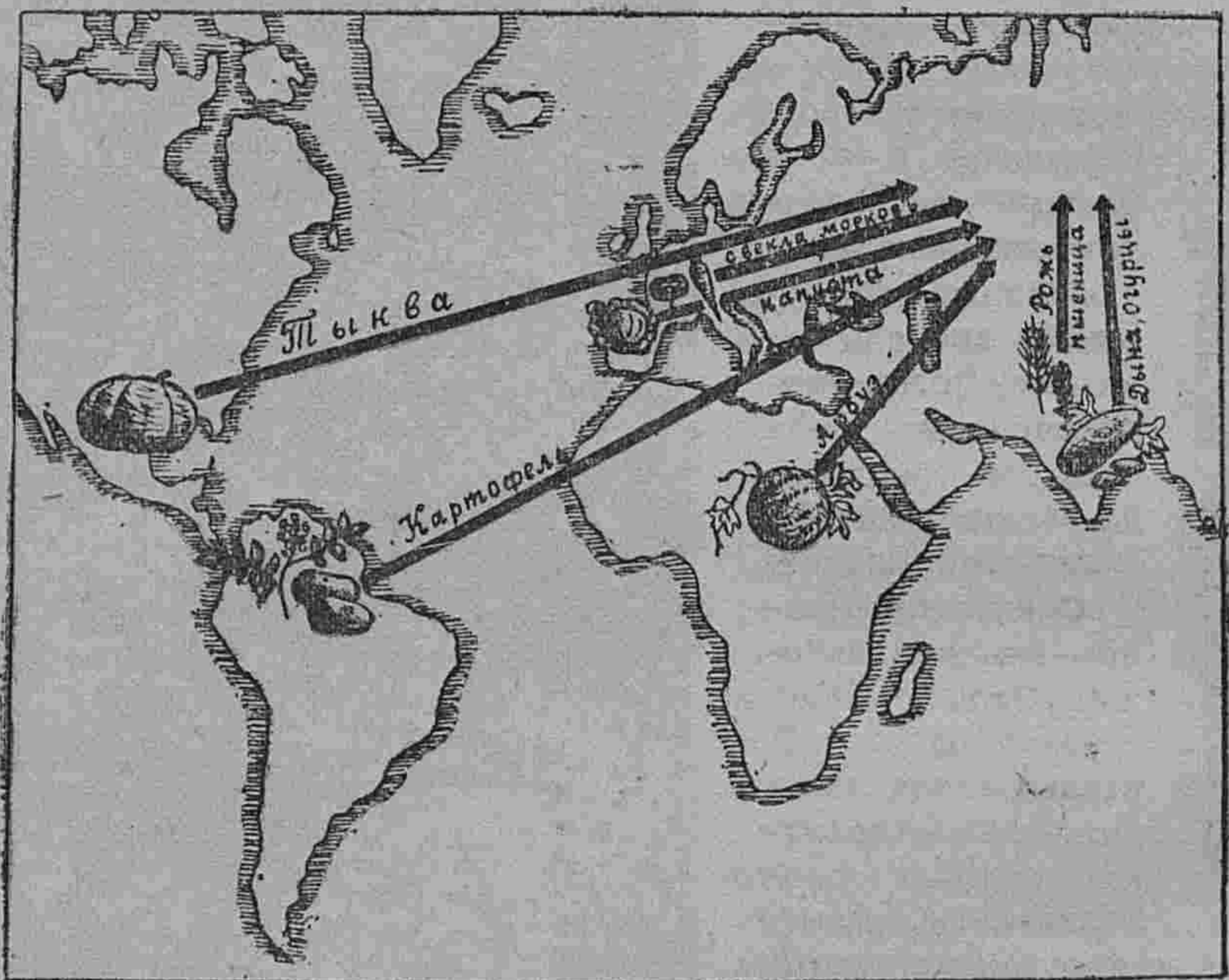

Н. Верзилин

Рис. Т. Цинберг

В течение всей нашей жизни каждый день мы встречаем за обеденным столом старых знакомых. Вот ломтики белого и черного хлеба, блюдо с картофелем, в супе плавают кусочки капусты, лука, моркови, свеклы. Летом свежие, а зимой соленые огурцы и помидоры. Мы съедаем их не задумываясь — откуда они, какова их история, как они попали на наши поля и огороды.

А ведь среди этих постоянных гостей есть выходцы из самых дальних стран: афганцы, мексиканцы, перуанцы, африканцы, есть представители самой глубокой древности человеческой истории.

Пшеница и рожь

Пшеница — это главнейший продукт, питающий все человечество. Ежегодно во всем мире собирают свыше ста миллионов тонн зерна пшеницы. Если бы все это количество зерна одновременно погрузить в вагоны, то потребовалось бы сто шестьдесят тысяч поездов по пятьдесят вагонов в каждом. Эти поезда опоясали бы по экватору весь земной шар.

Когда же и где появилась пшеница? Начало выращивания пшеницы на полях теряется в глубочайшей древности. Пшеничные зерна и их оттиски на глиняных черепках находят в ископаемых остатках свайных построек, относящихся к самым ранним периодам человеческой истории.

Рисунки, изображающие вызревание пшеницы, высечены и на стенах древнейших египетских пирамид и на гробницах фараонов, которым свыше пяти тысяч лет.

По предположению ученых, родина пшеницы — Афганистан. Там она первоначально росла в диком виде, а уж затем стала возделываться на полях. Отсюда она была завезена в Египет, Грецию, Рим, попадала к скифам и древним племенам, населявшим Европу. В Америку пшеница попала из Европы в XVI веке.

Вот рожь как культура имеет от роду две тысячи лет. Она сама поселилась на поля человека.

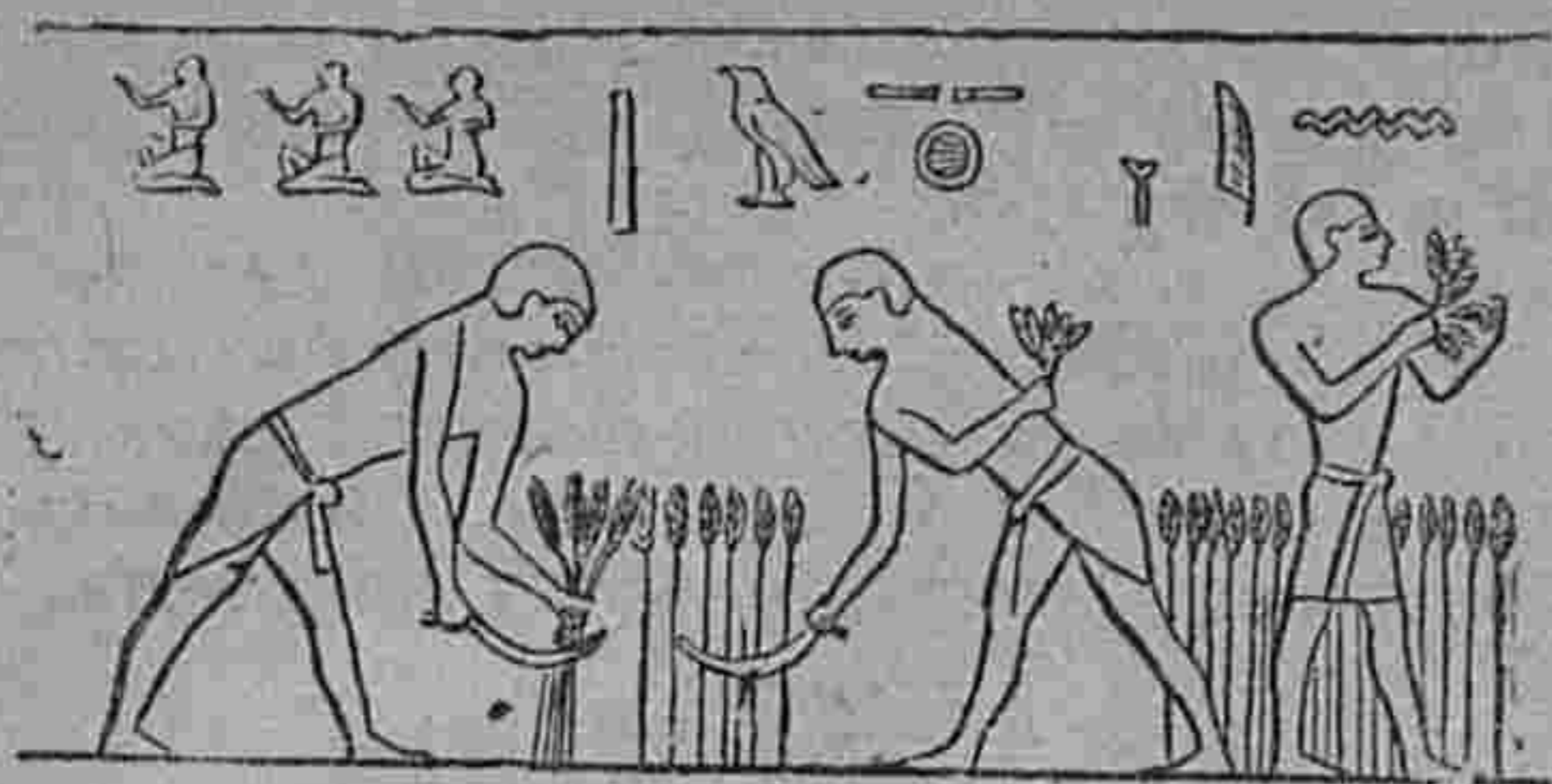
В Иране рожь называется „чоудар“, что означает „растение, терзающее пшеницу“. Когда-то рожь была злостным сорняком пшеницы. Племена, населявшие Европу во времена Римской империи, наблюдали странное явление: посеяли пшеницу, — выросла рожь. Превращение это объясняется просто: в северных местах всходы пшеницы вымерзли, а всходы сорняка пшеницы — ржи, как более стойкие, выдерживали морозы и выживали. Постепенно в посевах народов, населяющих более северные районы Европы, рожь заменила пшеницу.

Так, благодаря влиянию природных условий и естественного отбора, рожь вошла в культуру. Совсем дело происходило так же, как и с рожью. Первоначально он был сорняком.

Картофель и томат

Картофель — знаменитое своими путешествиями и приключениями растение. Целые книги посвящены истории картофеля. Картофель у нас в Европе очень молодая культура. Этот гость прибыл из Южной Америки в XVI веке.

Впервые о картофеле узнал тринадцатилетний испанский мальчишка Педро. На одной из испанских каравелл, отправившейся завоевывать южную Америку, он приехал в страну инков — Перу. В то время как испанские солдаты и офицеры разрушали жилища перуанцев в поисках золота и

грабили их, Педро бродил по незнакомой стране, присматривался к жизни, обычаям населения и записывал свои наблюдения. В 1553 году в Севилье была издана книга Педро де Цееза де Леси „Хроника Перу“, где и было описано употребление перуанцами в пищу растения, называемого ими паппа — это и был картофель.

Сперва паппа попала в Италию, где ее называли „тартуфоли“, из которого и произошло название картофеля.

Во Францию картофель попал только к концу XVIII века. Парижский аптекарь Пармантье был энергичным пропагандистом „нового заменителя хлеба“. Известность картофеля началась с цветов. Букет цветов картофеля Пармантье преподнес королеве Марии Антуанетте. Королева воткнула цветы картофеля в прическу. Цветок картофеля вошел у придворных в моду. В дворцовых садах стали сажать картофель на клумбы, рядом с самыми красивыми цветами.

Затем Пармантье написал брошюру о питательности картофеля, которая получила от Академии премию. Но этого было мало. Пармантье устроил для ученых и знатных лиц роскошный обед, на котором все блюда были сделаны из картофеля. Обед вызвал восторг у гостей.

Но Пармантье решил во что бы то ни стало заставить сажать картофель бедные слои населения, часто страдающие от голода. И вот, однажды осенью, когда картофельные клубни созрели на огороде Пармантье, там появилась надпись, запрещающая под страхом наказания похищать „драгоценные“ клубни картофеля. Утром все клубни картофеля были украдены населением. Пармантье весело смеялся. Он был доволен результатами своей выдумки. Французы назвали картофель „помм де терр“, что значит яблоко земляное.

В России картофель начали разводить в середине прошлого столетия и называли его сперва „чортовым яблоком“. В ответ на правительственный указ о принудительной посадке картофеля, крестьяне многих губерний подняли бунт. „Картофельные бунты“ умирляли войска.

Теперь картофель — гость из Перу, — второй хлеб.

У картофеля есть родной брат — томат. Это растение одного с картофелем семейства пасленковых и одного рода — солянум (что по-латыни означает „смягчающий“).

Родина томатов тоже страна инков — Перу. В Европу томат попал как декоративное растение, особенно ценное за красивые золотистые и ярко-красные плоды. Его выращивали на клумбах и в горшках на окнах, им украшали беседки. И название дали этому растению „поммо д'оро“ — яблоко золотое. По-древнемексикански он назывался томатль.

Долгое время считали томат, или помидор, ядовитым растением. Но у него ядовиты только

стебли, отвар которых употребляют при борьбе с вредителями овощей. Плоды же — золотые яблоки — содержат много витаминов и весьма полезны.

Лишь к концу XIX столетия томаты стали повсеместно возделываться и употребляться в пищу. Под Ленинградом, на огородах томат стал выращиваться всего лишь последние 15 — 20 лет. Раньше считали, что он может расти только на юге.

Капуста и огурец

Название „капуста“ произошло от латинского слова „капут“ — голова. В диком виде капуста растет на побережье Средиземного моря, и, как предполагают ученые, впервые ввел ее в культуру древний народ иберийцы, когда-то населявшие теперешнюю Испанию.

Кислая капуста и пироги с капустой были издавна любимыми русскими кушаньями. В летописи упоминается, что еще в 1150 году смоленский князь Ростислав Мстиславович подарил своему другу огород с капустником.

Капуста была известна еще египтянам, которые в конце обеда поедали большое количество вареной капусты.

В древней Греции капуста считалась священным растением, так как думали, что она излечивает от многих болезней.

Огурец — это пришелец из Индии. Он известен человечеству более шести тысяч лет. Изображение огурца встречается на жертвенных столах древних египетских храмов.

Огурцы были излюбленным овощем русских еще в древние времена. Очень любили огурцы и мусульмане. О прибытии весной первого

парохода с огурцами в Константинополь извещалось пушечным выстрелом.

Известный французский ботаник и путешественник XVII века Турисфор оставил описание такой ужасной истории: Султан Магомет II настолько любил огурцы, что приказал вскрыть животы семи придворным, чтобы узнать, кто из них съел один из присланных ему в подарок огурцов.

Ближайшими родственниками наших огурцов являются растения, дающие гигантские ягоды: тыква — ее родина Мексика, арбуз — гость из Африки и дыня — пришелица из Индии. Огурцы и дыня имеют общее название — кукулис, означающее на старом кельтском языке „пустой сосуд“. В старое время из них делали, так же как мексиканцы из тыкв, бутылки и другую посуду.

Арбузы и дыни разводились на юге России очень давно, еще лет шестьсот тому назад. Попали они к нам из Азии.

Царь Алексей Михайлович выписывал из Астрахани, где особенно много возделывалось дынь и арбузов, арбузных мастеров для „делания арбузных огородов“.

Морковь и свекла

В средние века существовало поверье, что если отнести с вечера в лес миску с пареной морковью, то на следующее утро найдешь там слиток зо-

лота, Лесные человечки — гномы — съедят морковь, до которой они большие охотники, и щедро заплатят за любимое кушанье. Этой легенде многие верили, и доверчивые женщины носили в лес миски с морковью в надежде, что гномы когда-нибудь положат в них золото. Но, увы, этого никогда на самом деле не случалось.

Морковь известна была еще четыре тысячи лет тому назад.

Дикая морковь однолетняя и двулетняя произрастала на берегах Средиземного моря. Повидимому, это и есть ее древняя родина. Дикая свекла также растет на берегах Средиземного моря и имеет тощий жесткий корень весом не более двадцати граммов и содержащий всего один процент сахара.

Грекам свекла была известна еще две тысячи лет тому назад. В Россию свекла попала из Византии. Очень долгое время никто не знал, что из свеклы можно добывать сахар. Только в 1747 году один химик обнаружил под микроскопом в клетках свеклы кристаллы сахара такие же, как и у сахарного тростника. Но лишь через пятьдесят лет после этого открыли в Европе первые сахарные заводы. В России первый завод был открыт в Тульской губернии в 1802 году. Но свеклосахарное производство слабо развивалось, так как свекла содержала всего пять процентов сахара. Постепенно

удалось вывести более сладкие сорта свеклы. Теперь выращивают свеклу, у которой двадцать один процент сахара.

Корень культурной сахарной свеклы весит сейчас в среднем полкилограмма и более. На плантации Мария Демченко снимала свеклу весом в полтора килограмма. Вот как изменилась дикая свекла благодаря вмешательству человека.

Лук и чеснок

Два ботанических брата — лук и чеснок — имеют сходные свойства и сходные истории. Это наиболее древние из овощей. Родиной их считают плоскогорье Ирана, где задолго до египтян их возделывали халдеи.

В средние века закованные в латы рыцари носили лук — „панцырь всех мужей“, как тогда говорили, на груди. Они считали, что луковица предохраняет от стрел и ударов меча.

В древнем Египте лук считался священным, он был посвящен богине Изиде и жрецы его не ели. При постройке же хеопсовых пирамид рабочим для выносливости и силы давали чеснок.

Таковы несколько коротких историй о наших знакомых, с которыми мы встречаемся за обеденным столом.

ДВА СОЛДАТА

Владимир Лифшиц

Это было тридцать лет тому назад,
К офицеру подошел лихой солдат,
Подошел и речь повел издалика:
„Не мешало б, дескать, взять нам „языка!“...

Отвечал ему на это капитан:
„Ты бы сам, служивый, счастья попытал!“...
Воду в ступе не любил солдат толочь,
„На охоту“ напросился в ту же ночь.

Был он дерзок, был отчаян и удал,
Трое суток на „охоте“ пропадал.
И во взводе порешили, что солдат
Никогда уж не воротится назад.

Рис. В. Курдова

Но на утро, воротясь под градом пуль,
Со спины он сбросил немца словно куль.
— Братцы! Германа Василий приволок!
— Подавай Чапаю каши котелок!..

Это было тридцать лет тому назад.
А вчера ко мне в блиндаж пришел солдат.
Он пришел и речь повел издалика:
„Не мешало б, дескать, взять нам „языка“.

Через час он уходил в ночную тьму,
И успеха пожелали мы ему.
Я глядел, как он шагал к передовым...
И Чапаев был когда-то рядовым!

(Русская сказка)

Жил был старик, и было у него три дочери. Старшая и средняя — щеголихи, а младшая — скромница.

Вот собрался отец в город и говорит:

— Дочери мои хорошие, дочери мои пригожие, сказывайте, что угодно вашей душе, все куплю на ярманке.

Старшая просит:

— Купи мне, батюшка, новое платье.

Средняя просит:

— Купи мне, батюшка, шалевый платочек.

А меньшая ничего не просит.

Спрашивает ее отец:

— Скажи, дочь моя любимая, какой гостинец тебе привезти?

— Не надо мне, батюшка, гостинца, — говорит меньшая, — а привези ты мне перышко Финиста, ясна сокола.

Простился старик с дочерьми и поехал в город.

Долго ли, коротко ли ездил, — приехал домой. Старшей обнову привез и средней обнову привез.

— А тебе, дочь моя любезная, — говорит меньшой, — ничего не привез. Сколько ни спрашивал, — ни у кого нет перышка Финиста, ясна сокола.

— Ну что же, — говорит меньшая, — может в другой раз посчастливится.

Прошло время, опять собрался отец в город. Опять спрашивает у дочерей:

— Дочери мои любезные, скажите, что купить вам, чем побаловать вас?

Старшая говорит:

— Купи мне, батюшка, башмачки атласные.

Средняя говорит:

— Купи мне, батюшка, кольцо самоцветное.

А меньшая говорит:

— Купи мне, батюшка, перышко Финиста, ясна сокола.

Распрощался отец с дочерьми и уехал.

Долго ли, коротко ли ездил, — приехал домой. Старшей дочери атласные башмачки привез. Средней дочери самоцветное кольцо привез.

— А тебе, дочь моя любимая, — говорит меньшой, — ничего не привез. Сколько ни искал, — нигде не нашел перышка Финиста, ясна сокола.

— Не печалься, батюшка, — говорит меньшая. — Может, в иное время и посчастливится.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Вот в третий раз собрался отец в город и спрашивает у своих дочерей:

— Приказывайте, дочери мои любезные, что купить вам, чем порадовать вас?

Старшая говорит:

— Купи мне, батюшка, серьги алмазные.

Средняя говорит:

— Купи мне, батюшка, ожерелье жемчужное.

А меньшая говорит:

— Ничего мне не надо, батюшка, только надо мне перышко Финиста, ясна сокола.

Приехал старик на ярманку, час ходит, другой ходит, — и алмазные серьги купил, и жемчужное ожерелье купил, а перышка Финиста, ясна сокола, нигде нет. Сколько ни искал, у кого ни спрашивал, — никто про такое знать не знает, ведать не ведает.

Вот едет старик домой и не весело у него на сердце. Старшим дочерям богатые подарки везет, а к меньшой, любимой дочери, с пустыми руками едет.

И вдруг — только заставу миновал — попадает ему навстречу старенький старичок. В руках несет старичок коробочку. Бережно несет, словно в ней воды до краёв.

— Что продаешь, старинушка? — спрашивает отец.

— Товар у меня не продажный, а заветный, — говорит старичок. — Кто его ищет, тому он и будет.

— Эх, кабы мне такая удача выпала! Уж как я ищу перышко Финиста, ясна сокола, а нигде найти не могу.

— А я тебе дам его, — говорит старичок, — оно у меня вот здесь спрятано, — и протягивает ему коробочку.

Не знает отец, как и благодарить старичка. Да пока слова вспоминал, того точно и не бывало.

Спрятал отец коробочку с заветным перышком поглубже за пазуху и с легким сердцем поехал домой. Лошадей настегивает, сам чуть песни не поет.

Дома встречают его все три дочери.

Дает старик старшей дочери серьги алмазные, дает средней дочери ожерелье жемчужное, а меньшей дочери протягивает коробочку и говорит:

— Ну вот, дочь моя любимая, нынче я и тебе привез подарок. Получай, что просила!

Обрадовалась меньшая и не сказать как! Коробочку взяла, целует ее, милует, а только открывать — не открывает и что в ней лежит — никому не показывает.

К ночи разошлись сестры по своим светелкам. Затворилась и меньшая у себя в горенке. Достала из коробочки заветное перышко, пригладила его, приголубила, да и бросила об пол.

И в тот же миг обернулось оно прекрасным царевичем.

— Здравствуй, красная девица, — говорит царевич.

— Здравствуй, добрый молодец, — говорит девушка.

Смотрят они друг на друга — не налюбуются, друг на друга не нарадуются. А разговор начали, — до полночи говорили, всё наговориться не могли.

Услыхали старшие сестры чужой голос и спрашивают:

— С кем ты это, сестрица, разговариваешь?

— Сама с собою, — говорит меньшая.

— А ну, отвори дверь!

Тут царевич ударился об пол и обернулся перышком. Взяла девушка это перышко, положила в коробочку и отворила дверь.

Сестры и туда смотрят, и сюда заглядывают — нет никого. Опять к себе ушли. А меньшая сестра открыла окно, достала перышко и говорит:

— Ты лети, мое перышко, во чистое поле! Полетай, мое перышко, на вольном просторе!

Сказала, — и обернулось перышко ясным соколом.

Взвился сокол к поднебесью и полетел себе — в открытое поле, за высокие горы, за синее море.

С той поры, что ни ночь, прилетал Финист, ясный сокол, к своей девице. Стукнет крылышком в окошко, распахнется оно и влетит ясный сокол в горницу. Об пол ударится, добрым молодцем обернется и поведет с красной девицей речи веселые да сердечные.

Старшие сестры из кожи лезут, а секрета разгадать не могут. Никто в дом не входит, никто не выходит, а голос слышен.

Вот подсмотрели раз злые сестры, как на заре вылетел из сестрино окошка ясный сокол, и поднялись они на хитрость.

Вечером позвали они меньшую сестру к себе в светелку, опоили ее сонным зельем, а потом прокрались к ней в горницу и утыкали окошко острыми ножами.

В полночь прилетел Финист, ясный сокол, бился в окошко, бился, да только весь в кровь искололся, крылья себе обрезал.

— Прощай, красная девица, — сказал он. — Лечу я за тридевять земель, в тридевятое царство, в тридесятое государство. Если любишь, ищи меня там. Когда истопчешь три пары башмаков железных, изломаешь три посоха железных, изглодаешь три просвиры железных — тогда и меня найдешь.

Сказал и взвился в небо.

А девица хоть и слышит сквозь сон эти речи неприветные, а глаз разомкнуть — сил нет.

Утром просыпается она, смотрит, — на окне ножи острые, что частокол, натканы, и алая кровь с них крупными каплями капает. Заплакала девица горькими слезами.

„Знать, сестрицы недобрые сгубили друга моего милого!“

В тот же час побежала она в кузницу, приказала сковать себе три пары башмаков железных, три посоха железных, три просвиры железных, и отправилась в путь-дорогу искать своего милого друга Финиста, ясна сокола.

Шла она, шла, лесами дремучими, болотами топкими, оврагами глубокими. Вот уже башмаки железные истоптала, и посох железный изломала, и просвиру железную изглодала.

Вдруг, видит, — стоит избушка на курьих ножках, во все стороны поворачивается.

— Избушка, избушка, — просит девица, — повернись к лесу задом, ко мне передом. Укрой меня от темной ночи.

Избушка повернулась, девица и вошла.

А в избушке баба-яга лежит, подбородком в пол упирается, носом в потолок утыкается.

Повела баба-яга носом и говорит:

— Фу-фу-фу! Бывало, русского духа слыхом не слышать, видом не видать, а теперь русский дух по свету бродит, сам на глаза является, в нос бросается. Скажи мне, красна девица, куда ты путь держишь? От дела лытаешь или дело пытаешь?

— Да не столько, бабуся, от дела лытаю, сколько дело пытаю. Был у меня друг милый — Финист, ясный сокол. Да задумали злые сестры погубить его. Он и улетел. Вот с тех пор и хожу я по белу свету, ищу его живого или мертвого.

— Далек же тебе итти, — говорит баба-яга. — Только хоть и правду говорят, что я зла, да не на тебя. Слушай что скажу: жив-здоров твой ясный сокол, живет он в хрустальном дворце, с золотым крылечком, с серебряной крышей, и просватался уже за царевну. Околдовала его злая царевна и забыл он про тебя. Да ты не горюй, кто еще знает, что чем обернется. Утро вечера мудренее, ложись-ка пока спать!

На утро, только свет забрезжил, разбудила ее баба-яга и говорит:

— Ты вчера уважила меня, — бабусей назвала. За это и я тебя уважу, добрый совет дам. Если хочешь найти Финиста, ясна сокола, ступай к моей

средней сестре. Уж как я ни зла, а она еще злее. Если не съест тебя, — покажет она тебе дорогу ко дворцу Финиста, ясна сокола. А от меня возьми вот подарок: серебряное донце, золотое веретёнце. Станешь кудель прясть, потянется нитка, да не простая, а золотая. Ты это веретёнце береги, оно тебе хорошую службу сослужит. Как придешь ко дворцу Финиста, ясна сокола, выйдет к тебе его невеста и станет просить, чтобы продала ты ей это веретёнце. Ты, смотри, ничего не бери, а проси только, чтобы позволила она тебе взглянуть на своего жениха. Ну, ступай теперь, не теряй даром времени.

Взяла девушка веретёнце, простилась с бабой-ягой и пошла дальше.

Идет-торопится, сквозь чащу пробирается, о пни-колоды спотыкается. А лес все темнее, все гуще. Вот она уже вторые башмаки истоптала, второй посох изломала, вторую просвиру изглодала.

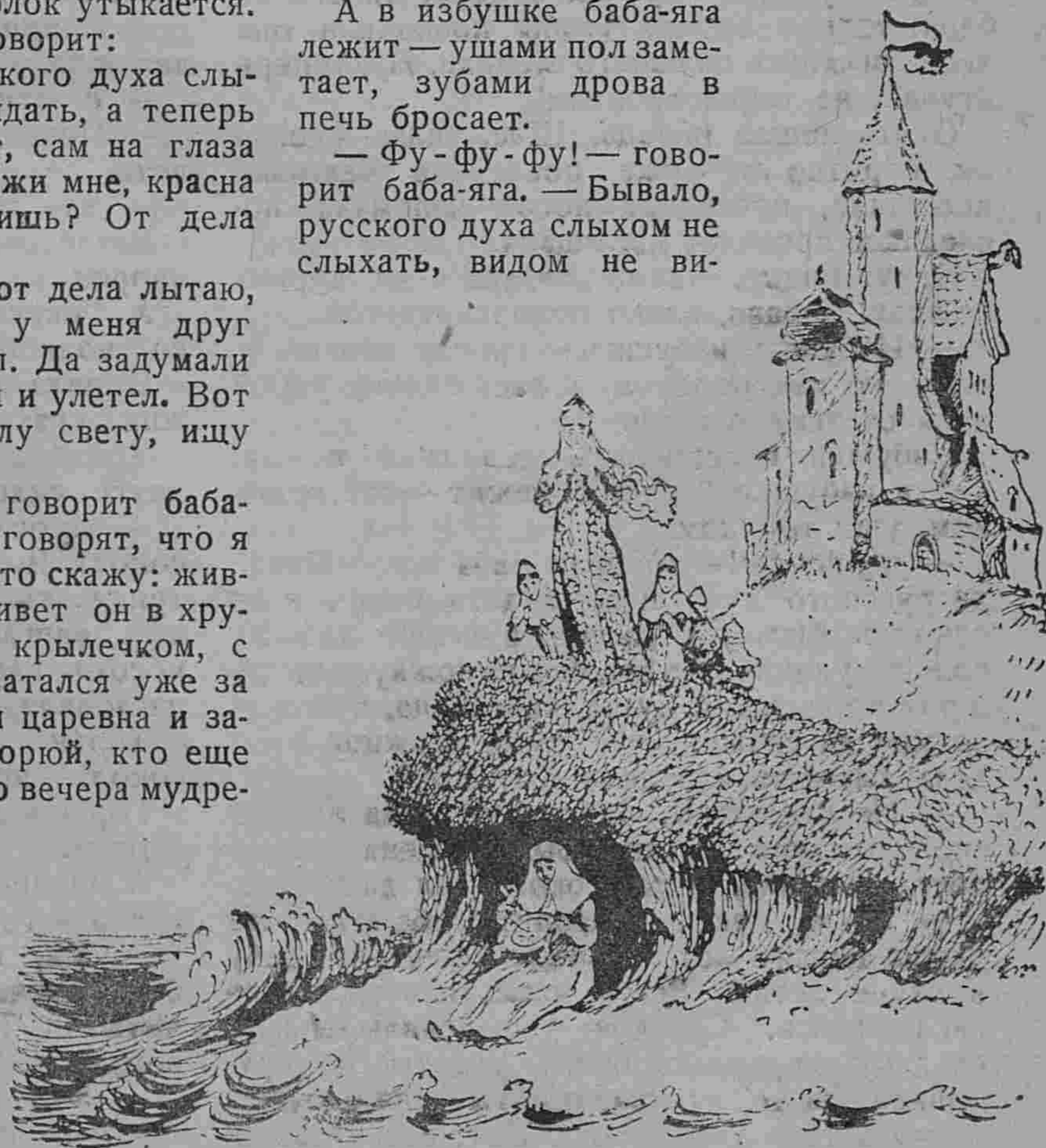
Вдруг видит, — стоит избушка на курьих ножках, куда хочешь поворачивается.

— Избушка, избушка, — просит девица, — стань к лесу задом, ко мне передом, укрой меня от темной ночи.

Избушка повернулась, девица и вошла.

А в избушке баба-яга лежит — ушами пол замечает, зубами дрова в печь бросает.

— Фу-фу-фу! — говорит баба-яга. — Бывало, русского духа слыхом не слышать, видом не ви-

дать, а теперь русский дух по свету бродит, в глаза бросается, на язык просится. А, ну-ка, красавица, подойди ко мне поближе, да скажи, куда и зачем путь держишь? От дела лытаешь, или дело пытаешь?

Девушка устрашилась, низехонько поклонилась и говорит:

— Не столько, бабуся, я от дела лытаю, сколько дело пытаю. Был у меня друг милый — Финист, ясный сокол, был да улетел.

— Ладно, не сказывай, я сама все знаю. Уже к свадьбе готовится твой милый друг. Да ты не печалься, утро вечера мудренее. Ложись-ка спать.

Утром, чуть свет, разбудила ее баба-яга и говорит:

— Не назвала бы ты меня вчера бабусей, я бы тебя съела, а теперь совет дам. Если хочешь Финиста, ясна сокола, найти, ступай к моей старшей сестре. Уж куда я зла, а только она еще злее. Коли не съест тебя, делу научит. А от меня на, вот, возьми подарок: серебряное блюдечко и золотое яблочко, — блюдечко не ломается, яблочко само катается. Возьми, тебе пригодится. Когда придешь ко дворцу, выйдет к тебе невеста Финиста, ясна сокола, и станет торговать эту диковину. Ты смотри, ничего не бери, только проси, чтобы позволила она тебе взглянуть на своего жениха. Ну, теперь ступай, не теряй времени!

Опять пошла девушка. Шла, шла, — долго ли, коротко ли — уже последние башмаки истоптала, последний посох изломала, последнюю просвиру изглодала.

Вдруг видит, — стоит избушка на курьих ножках, вправо, влево поворачивается.

— Избушка, избушка, — просит девушка, — стань ко мне передом, к лесу задом, укрой меня от темной ночи.

Избушка повернулась, девушка и вошла. А в избушке баба-яга лежит — нос крючком, уши торчком.

— Фу-фу-фу! — говорит баба-яга. — Прежде русского духа и не видать было, и не слышать было, а нынче русский дух по вольному свету бродит, сам на ложку садится, в рот просится. А ну-ка, красавица, подойди ко мне да скажи, куда путь держишь? От дела лытаешь или дело пытаешь?

— Не столько я, бабуся, от дела лытаю, сколько дело пытаю! Был у меня милый друг — Финист, ясный сокол, был да улетел.

— Знаю, знаю, — говорит баба-яга. — Не даром тысячу лет по земле хожу, по небу в ступе летаю. Всего насмотрелась, всего наслушалась. Сегодня твой милый друг свадьбу справлять будет. Да ты не кручинься. За то, что назвала ты меня бабусей, научу я тебя уму-разуму. Вот, возьми золо-

тое пялечко с серебряной иголкой. Иголка не простая, — ее только воткни, а она уж сама шьет, сама вышивает. Когда придешь ко дворцу выйдет к тебе царевна, и станет уговаривать, чтобы продала ты ей это чудо. Смотри, ничего не бери, а только проси, чтобы позволила она тебе взглянуть на ее мужа. Ну, ступай, теперь уж недалеко идти.

Попрощалась девушка с бабой-ягой и дальше пошла.

А лес все реже и реже, светлее и светлее.

Вот и сине море — широкое да раздольное — разлилось перед ней. А на берегу моря дворец стоит — стены хрустальные, крылечко золотое, крыша серебряная.

„Знать, это и есть Финиста, ясна сокола, царство“, — подумала девушка.

Села она на бережку, вынула серебряное донце, золотое веретёнце и стала прясть. Прядет, а из кудели нитка тянется, да не простая нитка, а чистого золота.

В то самое время вышла из дворца царевна — с мамками, с няньками, с верными служанками. Увидела веретёнце и ну просить:

— Ах, красна девушка, — говорит, — не продашь ли мне эту диковинку.

— Непродажное мое веретёнце, — говорит девушка, — заветное оно.

— А что завету? — спрашивает царевна.

— Позволь мне на твоего мужа поглядеть.

— Что ж, погляди.

Взяла веретёнце и поскорее пошла во дворец.

А Финист, ясный сокол, всё утро летал по поднебесью, только-только воротился.

Опоила его царевна сонным зельем, уложила спать, а потом и зовет девушку.

Увидела красна девушка своего милого друга, склонилась над ним и говорит:

— Проснись, пробудись, Финист, ясный сокол! Я, красна девушка, к тебе пришла, тридевять земель прошла, три пары железных башмаков истоптала, три железных посоха изломала, три железных просвиры изглодала, — все тебя, друга милого, искала.

Только не слышит ее Финист, ясный сокол, — крепко спит.

Горько заплакала девушка и пошла из дворца.

А Финист, ясный сокол, проснулся под вечер и говорит царевне:

— Ух, как я долго спал! Здесь кто-то был давеча, все надо мной плакал да причитывал. Только никак я глаз не мог разомкнуть. Тяжелый сон меня сковал!

— Это тебе все во сне привиделось, — отвечает царевна. А здесь никто не бывал.

На другой день опять вышла дѣвица на бережок, села на песочек, сидит, катает золотое яблочко по серебряному блюдечку, да сколько ни сбросит — все равно, яблочко по блюдечку катается.

В скором времени вышла из дворца царевна по морскому берегу погулять.

Увидела серебряное блюдечко, золотое яблочко и ну просить:

— Ах, дѣвица, не продашь ли мне эту забаву?

— Непродажное у меня блюдечко, — говорит дѣвица, — а заветное.

— А что завету?

— Дозволь еще раз на твоего мужа глянуть.

— Что ж, погляди.

Взяла царевна серебряное блюдечко с золотым яблочком и поскорее во дворец побежала. А Финист, ясный сокол, только-только домой вернулся, все утро по поднебесью гулял. Накормила его царевна, напоила и в питье сонного зелья подсыпала. Выпил его Финист, ясный сокол, и заснул крепким сном.

Тут позвала царевна дѣвицу и говорит:

— Иди, погляди на моего мужа, если уж тебе так хочется.

Сидит дѣвица у изголовья своего милого, ласковыми именами его называет, горькие слезы над ним проливает:

— Ты проснись-пробудись, Финист, ясный сокол! Открой очи добрые! Молви слово ласковое! Это я, твоя милая, к тебе пришла. Три пары железных башмаков истоптала, три железных посоха изломала, три железных просвиры изглодала, — все тебя, друга милого, искала!

Только как ни звала, как ни плакала, а не разбудила Финиста, ясна сокола.

Поплакала, поплакала дѣвица и пошла из дворца.

На третий день опять уселась она на бережку. Печальная сидит, в руках золотое пялечко держит, а серебряная иголочка сама шьет-вышивает, — да такие узоры чудные, заглядеться можно!

В скором времени и царевна вышла погулять. Увидела золотое пялечко, серебряную иголочку и опять просит:

— Продай мне, дѣвица, это диво.

— Мое пялечко непродажное, — говорит девушка, — заветное оно.

— А что завету? — спрашивает царевна.

— Дозволь еще раз на мужа твоего взглянуть.

— Что ж, гляди, мне не жалко.

Взяла она золотое пялечко, серебряную иголочку и побежала во дворец.

Опоила Финиста, ясна сокола, сонным зельем и, когда заснул он непробудным сном, позвала девушку.

— Гляди, — говорит, — любуйся.

Глядит на него девушка, любит и печально так приговаривает:

— Проснись, пробудись, Финист, ясный сокол, это я к тебе пришла, три пары железных башмаков истоптала, три железных посоха изломала, три железных просвиры изглодала — все тебя, милого друга, искала!

Не просыпается Финист, ясный сокол, — крепко спит.

Склонилась она над ним в последний раз, заплакала еще горше прежнего и упала ее горячая слеза ему на щеку.

В тот же миг проснулся Финист, ясный сокол.

— Ах, — говорит, — что это меня обожгло?

— Финист, ясный сокол! — говорит ему дѣвица. — Это слеза моя тебя обожгла. Три дня я над тобой плачу, три дня тебя разбудить хочу, а ты спишь-не просыпашься, на мои слова не отзываешься.

Тут узнал ее Финист, ясный сокол, и так обрадовался, что и сказать нельзя.

Поведала она ему, как искала его по белу свету и еще больше прежнего полюбил он ее, еще милее прежнего стала она ему.

В тот же час приказал Финист, ясный сокол, созвать весь народ без разбору чинов и званий, вышел сам на крыльцо и говорит:

— Скажите мне, люди добрые, рассудите своим умом, с какой женой мне век вековать, жизнь коротать, — с той ли, что меня продавала, на забавы да игрушки выменивала, сонным зельем опаивала, или с той, что меня выкупала, за мной тридевять земель прошла, три пары железных башмаков истоптала, три железных посоха изломала, три железных просвиры изглодала, пока меня искала.

И сказали ему все люди — без разбору чинов и званий:

— С той женой тебе век вековать, жизнь коротать, которая тебя выкупала, за тобой тридевять земель прошла, три пары железных башмаков истоптала, три железных посоха изломала, три железных просвиры изглодала. А ту, что тебя продавала, да на забавы-игрушки выменивала, прогони, чтобы и духа ее здесь не было.

Так и сделал Финист, ясный сокол.

Прогнал он злую царевну со всеми ее мамками, няньками, со всеми ее служанками, а потом и свадьбу сыграл.

Веселая была свадьба. Кто там был мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

Рассказала А. Любарская

ВОЗДУШНЫЕ ДЕСАНТЫ

А. Антрушин

В предыдущем номере „Костра“ было рассказано о морском десанте наших союзников во Франции. Чтобы получить полное представление о современной армии вторжения, следует познакомиться и с воздушным десантом, который вместе с морским составляет одно целое, а по очереди действия является первым.

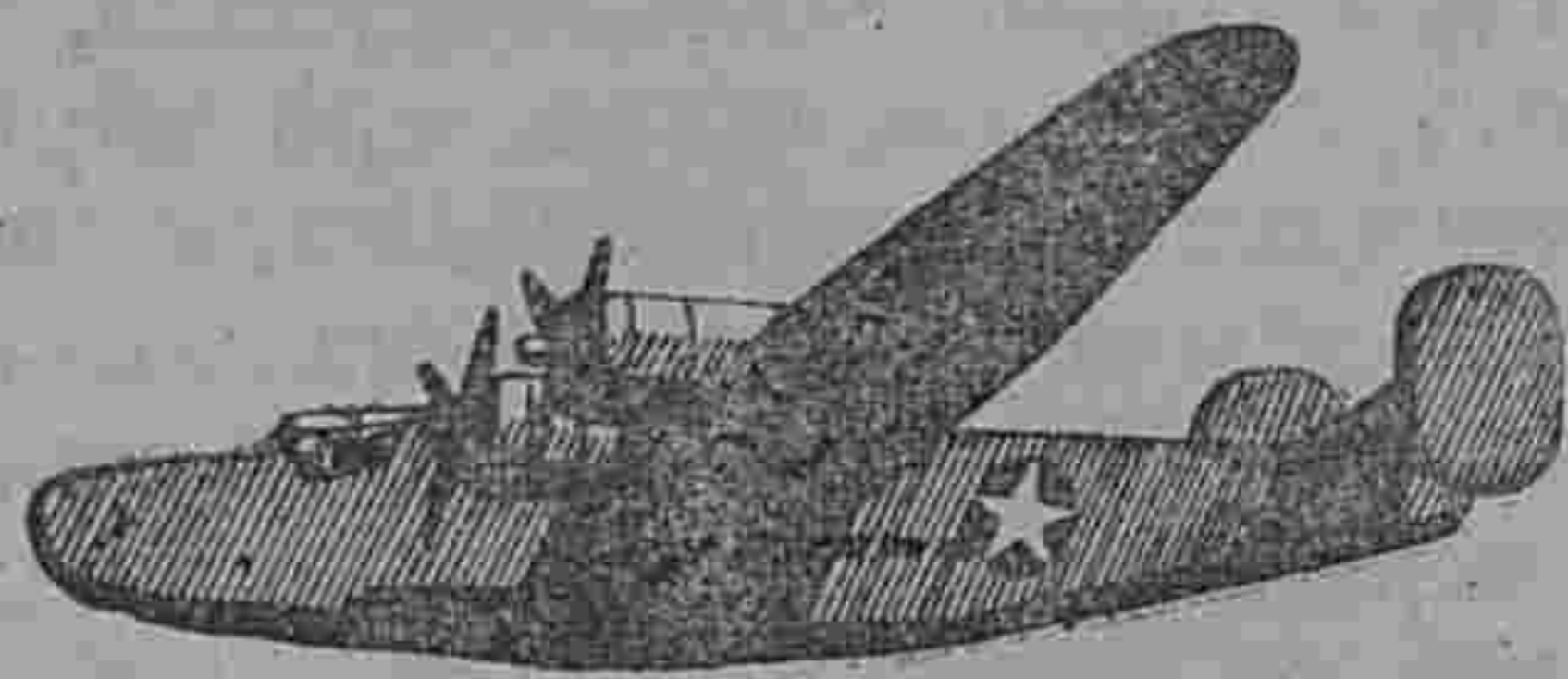
Итак, в ночь с 5-го на 6-е июня с многочисленных аэродромов южной Англии поднялся огромный воздушный десантный флот. Необозримая вереница транспортных самолетов и планеров, штурмовиков и истребителей протянулась над серыми водами Ла-Манша. Навстречу, на огромной высоте, пролетали крупные соединения тяжелых бомбардировщиков, возвращавшихся с огневой расчистки вражеского тыла — района высадки готовившегося воздушного десанта.

Во втором часу ночи в тылу немецкой береговой обороны приземлились парашютисты, сброшенные с транспортных самолетов союзников. При свете бледной луны и вспышках зенитных снарядов все небо казалось закрытым белыми и цветными парашютами. Иногда парашютисты, соприкасаясь с землей, взрывались. Это были куклы-сюрпризы; они отвлекали внимание немцев от настоящих парашютистов, а также убивали и ранили своих преследователей, разлетаясь на части.

Одни парашютисты немедленно принимались уничтожать целые леса столбов, врытых в землю для того, чтобы помешать приземлению планеров. Другие вступали с немцами в бой за захват аэродромов, мостов, дорог. Один отряд даже овладел небольшой береговой крепостью, план которой давно уже был заснят с воздуха.

Еще до рассвета над парашютистами появились бомбардировщики, медленно тащившие черные планеры. При отблеске пушечной пальбы и разрывов было видно, как отцепившиеся планеры круто шли к земле. Как только планер приземлялся, десантники, не мешкая, шли в бой. Из планеров выкатывали разведочные автомашины „Виллисы“, легкие противотанковые пушки. Красные, желтые и черные грузовые парашюты доставили войскам пулеметы, минометы, боезапас и медикаменты.

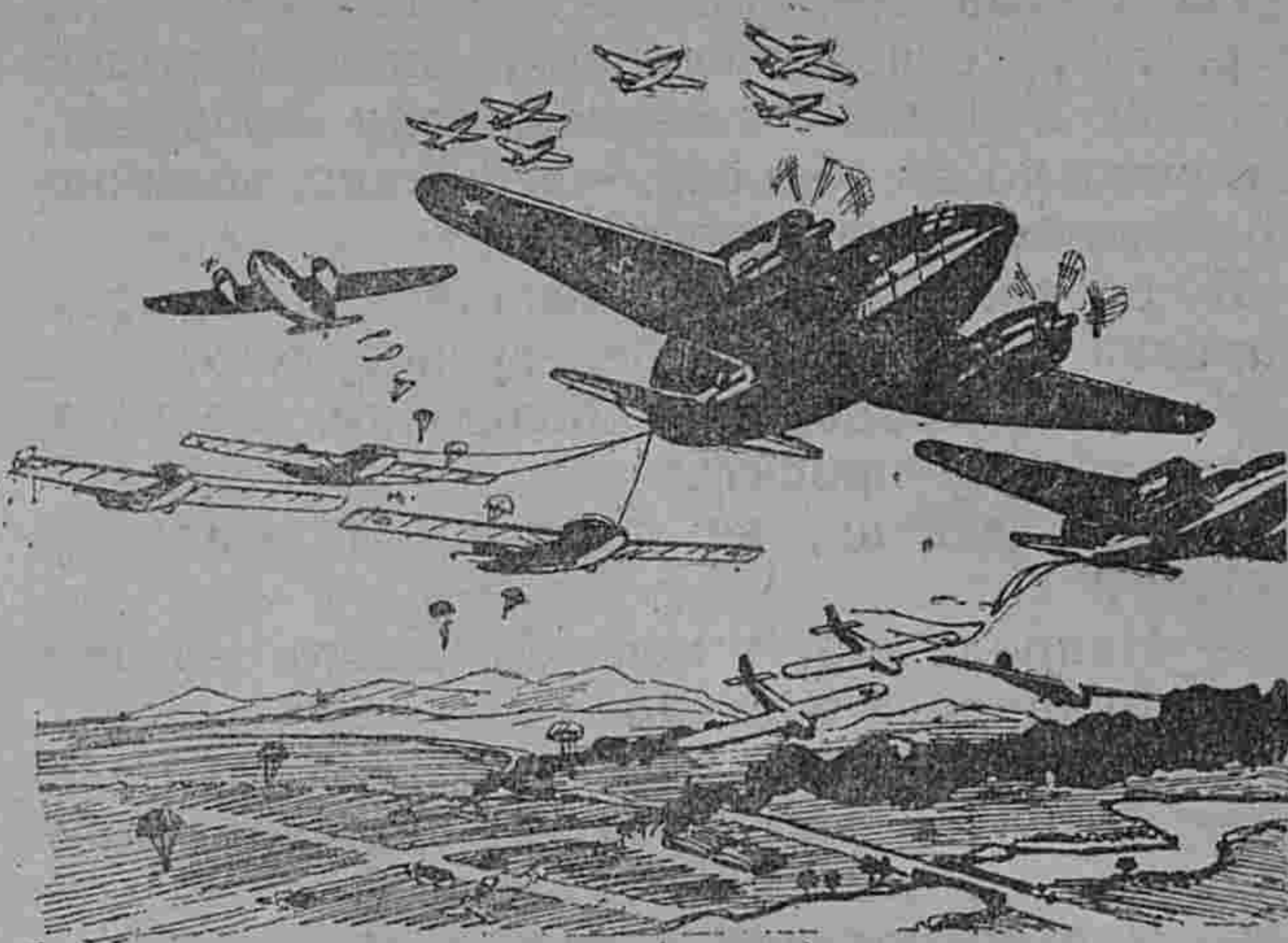
Десантные отряды отражали контратаки противника до восхода солнца, когда небо снова наполнилось стремительными истребителями. Под ними медленно плыли огромные эскадрильи планерных поездов. Голубоватые планеры, более крупные, чем ночные, отцеплялись и, маневрируя между облачками разрывов, садились на какую-нибудь полянку, облюбованную еще на лету. Эти планеры доста-

Этот самолет доставляет семьдесят три солдата.

вили танкетки, легкие семидесятипяти-миллиметровые гаубицы и тяжелые пулеметы.

Позже, в течение всего дня, на захваченных аэродромах разгружались большие транспортные самолеты. На поле боя появились уже легкие тан-

Воздушный транспортный поезд.

ки, полевая артиллерия и другое солидное вооружение.

На другой день тридцать тысяч солдат и офицеров воздушной пехоты встретились с морским десантом. Начались совместные боевые действия, которые продолжаются и по сей день.

ПАРАШЮТНЫЙ ДЕСАНТ

Первые часы вторжения принадлежат парашютистам. Быстро, по одному в секунду, покидают парашютисты крупные транспортные самолеты. Обычно прыгают с небольшой высоты и парашют раскрывается в момент, когда солдат покидает борт самолета. Сначала приземляется первый бросок — несколько десятков человек. Они вооружены автоматами и гранатами. Эти парашютисты овладевают местностью и прикрывают выброску следующих групп. Пулеметы, минометы, радиостанции, мотоциклы, легкие пушки, боеприпасы, продовольствие и медикаменты сбрасывают в ящиках на грузовых парашютах. Сшитые из яркой цветной материи грузовые парашюты хорошо заметны на местности. Ночью при ударе ящика о землю, зажигается сигнальная электрическая лампочка.

Парашютисты быстро вскрывают ящики, выгружают оружие и снаряжение. На сборку мотоцикла, например, уходит всего одиннадцать секунд! А передвигаться на мотоцикле отряды воздушной пехоты могут со скоростью в пятьдесят пять километров в час.

Парашютисты садятся на гору, на деревья, на кусты, на крыши и даже на воду. Парашютный десант можно сбросить прямо на голову противника, — например, для захвата аэродрома. После приземления парашютисты быстро собираются в группы и изготовляются к бою.

ПОСАДОЧНЫЙ ДЕСАНТ

Транспортные самолеты

Чтобы доставить на фронт одну воздушно-десантную дивизию в две тысячи парашютистов и девять тысяч пехотинцев, требуется двести пятьдесят транспортных самолетов и пятьсот планеров. Но транспортные самолеты могут приземляться только на настоящем большом аэродроме. Поэтому воздушная пехота, артиллерия и танки появляются на поле сражения позже парашютного десанта.

Перебрасывать войска можно на разных самолетах, — транспортных и боевых. Американский двухмоторный пассажирский самолет „Дуглас“ летит со скоростью около трехсот километров в час и перевозит двадцать восемь солдат. На короткие расстояния самолеты принимают больше солдат. Так, английский тяжелый бомбардировщик „Стирлинг“ за один рейс через Ла-Манш перебрасывал по шестьдесят человек.

В Соединенных Штатах строят гигантские транспортные самолеты, например „Локхид Констеллейшн“. Он поднимает сразу сто десантников или танк весом в пятнадцать тонн. Сверхмощные моторы в восемь тысяч восемьсот лошадиных сил сообщают самолету скорость свыше пятисот километров в час. За ним не угнаться ни одному бомбардировщику и штурмовику.

Военно-транспортные планеры

Переброска войск на планерах проще и выгоднее, чем на самолетах. Планеры приземляются почти в любой местности: в поле, на лугу, на пляже, на лесной поляне, а планеры-амфибии — и на воде. Планеры поднимаются в воздух с колес, которые у некоторых машин затем сбрасываются на землю. Благодаря малой посадочной скорости они садятся прямо на лыжу, которая находится под фюзеляжем.

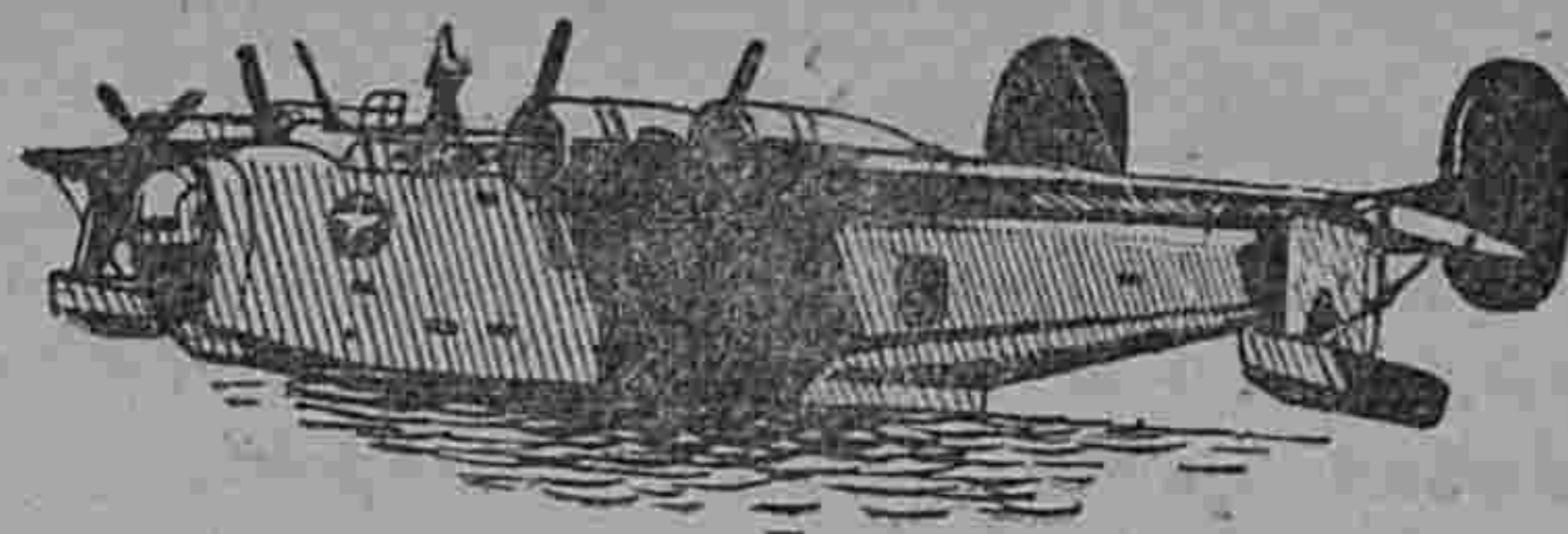
Планеры буксируются по несколько штук одним самолетом. К каждому планеру от самолета тянется трос и летят они поэтому веером. Американские планеры буксировались через Ла-Манш при помощи тонких, но очень прочных тросов из стеклянного волокна.

Планеры отцепляются от самолета на большой высоте. Потом каждый планер совершает самостоятельный планирующий полет в несколько десятков километров. Ночью, в вечерних или в предрассветных сумерках очень трудно обнаружить бесшумно приближающиеся планеры. Значит, почти наверняка десант может внезапно появиться над местом своей высадки.

Военно-транспортные планеры почти целиком строятся из фанеры. Однако наибольшие из них поднимают в воздух танкетку!

Английские планеры „Эйрспид Хэрса“ перевозят двадцать солдат с полным вооружением при экипаже в составе двух пилотов. Для отражения фашистских истребителей у них имеются люки для стрельбы.

Планеры-амфибии взлетают и садятся и на суше и на воде. Они изготавливаются из фанеры, ко-

Летающая лодка „Коронадо“.

торую сначала пропитывают древесной смолой, нагревают и затем мощными прессами придают нужную форму.

Воздушные фанерные „танконосцы“ также имеют отваливающийся нос для схода машин, как и морские. Однако передняя часть их не спускается, а наоборот, поднимается вверх вместе с кабинкой пилота. На большие грузовые планеры могут быть погружены танкетки, разведывательные автомобили, мелкокалиберные пушки и так далее.

Летающие лодки

Война может потребовать сверхсрочной переброски войск через моря и океаны. В таких случаях воздушный десант перевозят на гигантских летающих лодках, способных преодолевать бурные океаны. Крупнейшая из них „Марс“ весит семьдесят тонн и имеет три этажа. Через Северное море она может перебросить полтораста солдат с полным вооружением, а через весь Атлантический океан — сотню. Конечно, летающие лодки можно использовать и на коротких расстояниях. Для взлета и посадки „Марса“ достаточно слоя воды в один метр. После посадки на воду летающая лодка быстро подходит к берегу, и люди высаживаются прямо на прибрежный песок.

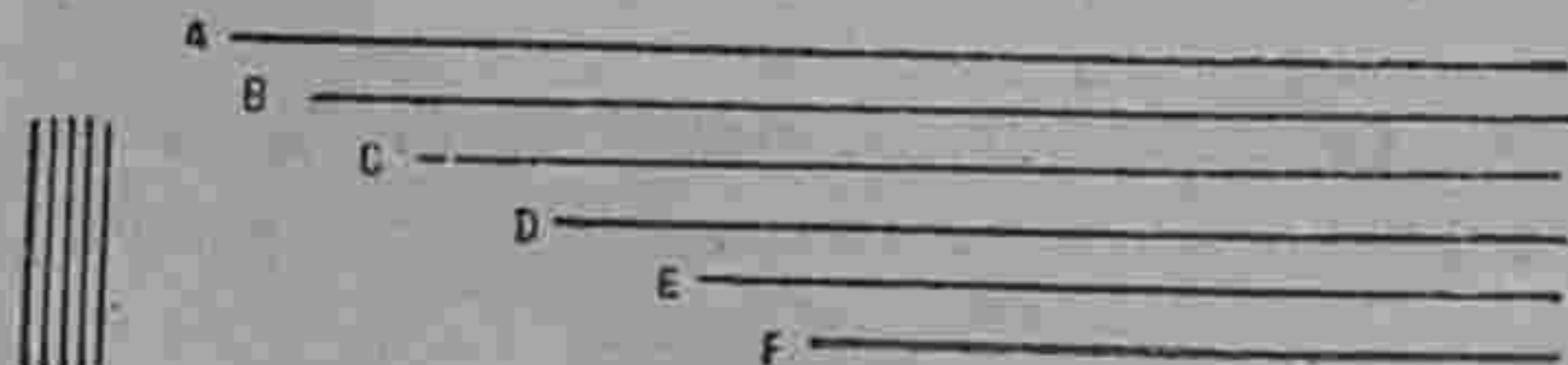
Пять тысяч летающих лодок типа „Марс“ могут перебросить в течение одного дня с американского материка на европейский полмиллиона солдат — целую армию вторжения.

Сейчас в Америке испытывают новую летающую лодку „Кайзер-Хьюз“. Правильнее назвать ее летающим кораблем. „Кайзер-Хьюз“ может перевезти через океан двести пятьдесят солдат и дюжину пушек или пятьдесят четыре тонны груза. Запас бензина у „Кайзер Хьюза“ в тридцать тонн равен полному весу „Летающей крепости“ вместе с бомбами.

ПОДУМАЙ И ОТВЕТЬ

Погляди на нижний чертеж и сразу же определи: какая из шести горизонтальных линий (А, В, С, D, E или F) будет соответствовать пяти коротким вертикальным линиям, сложенным по длине?

Сколько оборотов сделает шар (правый чертеж), опускаясь от точки А до точки В, следуя по черной линии колонки?

ЗАГАДКА

Загадка немудрая:
Мать — зеленокудрая,
Отец — могучий,
Опасный, жгучий...
Как повстречались —
Тут и скончались,
Остался сынок
Да и тот на утек:
Выше, выше,
Взлетел над крышей
И растаял вдали, —
Там, где тучки текли.

ШТУРМ БЕРЕГА С МОРЯ И С ВОЗДУХА

Войскам дан приказ: овладеть берегом моря. А на этом побережье основательно укрепились враги. Здесь у них и доты, и дзоты, и окопы с блиндажами, и артиллерийские батареи.

Вторгнуться на побережье, выбить неприятеля из его укреплений — это сложная наступательная операция. Ведется она с моря и с воздуха. Участвуют в ней мощные военные корабли, транспортные суда, могучий воздушный флот, отборные штурмовые войска и бронетанковые части.

Общая картина-панорама такого штурма изображена на рисунке справа. Вы видите берег в огне: вспышки орудийных выстрелов, разрывы снарядов, взрывы бомб.

Неприятельские батареи скоро замолчат: по ним бьют тяжелые орудия военных кораблей. Штурмовые катера, пехотно-десантные баржи и танконосцы направляются к прибрежным отмелям. Кой-где уже высаживаются на берег десантные части...

Бомбардировщики, сопровождаемые истребителями, сбрасывают бомбы, чтобы расчистить район высадки войск, разрушить вражеские батареи в глубине обороны, уничтожить укрепления, мосты,

железнодорожные пути. Штурмовики бомбят скопления неприятельской пехоты и вереницы транспортных автомашин.

Начался спуск парашютистов. Приближаются планерные поезда с отрядами воздушной пехоты и вооружением.

На некоторых участках побережья совершается ложная высадка морского десанта для того, чтобы ввести врага в заблуждение, заставить его расплыть свои силы. На главном же направлении (где оно на рисунке?) устремляется к берегу особенно много судов. Здесь и произойдет жаркая схватка за захват первого клочка земли.

Что еще видно на рисунке? Высоко в небе летают истребители прикрытия бомбардировочной и планерной авиации. Падают бомбы и объятые пламенем самолеты. Слева по морю движутся к берегу флотилии ложного десанта. На суше заметны взрывы бомб и снарядов, многочисленные воронки, доты, извилистые ходы сообщения, заграждения, исковерканные железнодорожные пути. Бреющим полетом проносятся над будущим полем боя легкие бомбардировщики и штурмовики.

★

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

помещенные в „Костре“ № 7—8 на стр. 19

1. Тонкое бревно легче уравновесить на толстом потому, что будет больше точек соприкосновения.
2. Сплошной шар быстрее скатится вниз. В полом шаре находится воздух, который при скатывании тормозит движение шара.
3. Вода будет холоднее на дне стакана, так как холодная вода тяжелее теплой.

СОДЕРЖАНИЕ

Новый школьный год. Стихи С. Маршала. Рис. Т. Цимберг	1	Перышко Финиста, ясна сокола. Русская сказка. Рассказала А. Любарская. Рис. В. Копачевича	17
Гремячая башня. Повесть Е. Катерли (продолжение). Рис. Н. Петровой	2	Воздушные десанты. Очерк А. Антрушина. Рис. Н. Полозова	22
Стихи о школе. Л. Хаустов	7	Подумай и ответь	23
За кулисами театра. А. Дорохов	8	Загадка. Е. Собельман	23
Мишкина наша. В. Носов. Рис. Н. Муратова	10	Штурм берега с моря и с воздуха. (Рис. на 3-й стр. обложки Н. Полозова)	24
День школьника. Текст Н. Владимирской	12	Легендарный начдив. 2 стр. обложки.	
Несколько коротких историй о наших старых знакомых. Н. Верзилин, Рис. Т. Цимберг	14	В каком кружке Дворца пионеров ты занимаешься? Рис. В. Болаш. 4-я стр. обложки.	
Два солдата. Стих, В. Лифшица. Рис. В. Курдова	16		

На обложке рисунок Н. Петровой „На огороде“

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 31, ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ
Непринятые рукописи не возвращаются

Редакция: О. Бергольц, В. Воеводин, С. Воинов, Е. Катерли, Ф. Октябрьская, А. Пахомов, Е. Привалова, В. Прянишников, Н. Терebinская, Д. Чевычелов, Н. Штейнварг, Л. Успенский и Г. Яблонская (отв. редактор)

Цена 4 руб.

П 29
41

В каком кружке Дворца Пионеров ты занимаешься?

В танцевальном

В гимнастическом

В рисовальном

В кукольно-театральном

В музыкальном

В конструкторском

В авиамодельном

Во Дворце Пионеров много разных кружков: научных, спортивных, художественной самодеятельности. В одном кружке ты должен заниматься:

В фотографическом

В биологическом

В рукодельном

В водно-спортивном

В столярном

В вокальном

В боксерском

В собаководческом

4 Н-1078/923